

АЛЬФРЕД ГРИБЕР

КАЗАХСТАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Повесть

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА КАЗАХСТАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Моя мама была рискованная женщина. Сорваться с насиженного места и поехать в неизвестность - на это способен не каждый человек. Для этого нужно родиться смельчаком.

Уехать в никуда с одним лишь чемоданом
И всё начать с нуля лишь может человек,
Живущий по одним ему известным планам,
С которыми он свой соизмеряет век.

Не зная наперёд, что ждёт его в дороге,
Смельчак стремится вдаль, не думая о том,
Что ждут его в пути и радость, и тревоги,
Не ведая о том, где свой построит дом.

Живут совсем не так другие, а иначе.
И, как ни странно, всё понятно это нам.
Поэтому всегда, а уж везде, тем паче,
Я сердце отдаю - по жизни смельчакам.

Я в то время ещё не совсем осознавал всей серьёзности ситуации. Для меня это было какой-то новой игрой, новым приключением. Я не задумывался о том, как мы будем жить на новом месте, что нас ожидает в ближайшем будущем. Я так всецело доверял своей маме, что у меня даже не появлялось

никакой мысли о том, правильно ли она сделала, так кардинально изменив нашу жизнь.

Я помню, в те годы была очень популярна песня с такими словами: «Едут новосёлы по земле целинной...».

Вот так и мы с мамой в декабре 1956 года ехали, ехали ... и приехали в Казахстан, в Кокчетавскую область, на железнодорожную станцию Тайнча, которая находилась в 80 километрах к северу от Кокчетавы.

Здесь нас ожидали глубокий снег и сильный мороз. После довольно-таки прозаичной встречи без оркестра, без речей, без оваций, без девушек в белых платьях и без цветов нас прямо со станции отвезли в какое-то село. Маму и меня поселили в доме какой-то женщины, которая выделила нам маленькую отдельную комнату.

На следующий день всех новоприбывших собрали в каком-то большом одноэтажном доме. Мама вместе с другими взрослыми людьми зашла в зал.

А всех детей пригласили в большую комнату. Здесь каждого записали и распределили соответственно возраста по классам. Дети, которые были старше меня, куда-то ушли. В комнате нас осталось всего около десяти детей.

Какая-то молодая женщина обратилась к нам со следующими словами:

- Дорогие дети! В нашем селе пока нет школы. Поэтому дети постарше будут учиться в школе, которая находится недалеко от железнодорожной

станции. А вы, ученики младших классов, будете учиться здесь, в этой комнате. У нас с вами будет необычная школа. Так как вас очень мало, то вы все будете учиться одновременно у одной и той же учительницы, то есть, у меня. Ученики каждого «класса» будут заниматься по своей программе, но все «классы» будут находиться в одной комнате.

Я поднял руку. Учительница, увидев это, спросила меня:

- Ты хочешь спросить что-то?

- Да. Мне интересно, как мы, ученики разных классов, будем одновременно отвечать у доски и выполнять задания?

- А я посажу учеников каждого «класса» за один и тот же стол, буду подходить к каждому столу и беседовать с вами. А уроки у вас у всех будут одни и те же. Например, математика будет на первом уроке во всех наших «классах», а на следующем уроке у всех будет рисование или физкультура. Понятно?

- Пока не очень. Там, где я учился, всё было не так.

- Но я же вам сказала, что у нас будет необычная школа. Так что завтра мы начнём наши занятия. А сегодня вы все свободны. До свидания!

Мы попрощались с нашей новой учительницей и вышли из комнаты. Взрослые ещё находились в зале. Поэтому я стал ждать маму, ведь всё равно мне некуда было идти.

Спустя какое-то время двери зала открылись, и я увидел среди других взрослых свою маму. Я подошёл

к ней, и мы стали делиться друг с другом своими новостями.

Мама рассказала мне, что пока все должности бухгалтеров в тресте «Тайнчастрой» заняты. Ей предложили для начала поработать счетоводом в тресте «Тайнчастрой», пообещав при первой же возможности повысить её профессиональный статус. Мама согласилась. А так как контора находилась не в этом селе, то теперь каждое утро её будут увозить на работу, а вечером привозить обратно.

С этого дня для меня началась новая необычная жизнь. Благодаря своей маме я научился убирать квартиру, стирать, гладить, готовить еду и выполнять различную домашнюю работу. Так как мама была на работе весь день, то я, придя со школы, должен был убрать нашу комнату, очистить дорожки около дома от снега, принести воду из колодца, приготовить что-нибудь на ужин, сделать домашние задания. Так что времени скучать у меня не было. А ведь, как и каждому мальчишке, мне хотелось ещё и поиграть со своими сверстниками на улице.

А вообще с момента приезда в Тайнчу окончилось моё беззаботное детство и началось отрочество со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из ребёнка, которого опекали бабушка, дедушка и мама, я в одночасье превратился в полноправного члена семьи не только со всеми правами, но и со всеми обязанностями.

2. ПОИСКИ НОВОЙ ШКОЛЫ

В однокомнатной «школе» мне было очень скучно. Вскоре я узнал, что за железнодорожной станцией,

которая находилась не очень далеко от села, где мы жили, была большая школа.

И вот однажды, в солнечный морозный день, придя со школы и наскоро пообедав, я отправился искать новую школу.

Эта двухэтажная школа мне, действительно, показалась большой. Я нашёл кабинет директора и, подойдя к двери, постучал в неё. Из кабинета послышался мужской голос:

- Да, да, войдите!

Открыв дверь, я переступил порог кабинета:

- Здравствуйте! Вы директор школы?

- Да, - ответил мне сидевший за столом мужчина в тёмном костюме. - А ты кто такой?

- Меня зовут Алик, а фамилия моя – Грибер, - ответил я. - Мы с мамой приехали на целину и живём сейчас в селе недалеко отсюда. Мама работает счетоводом, хотя она у меня бухгалтер. Но бухгалтер здесь пока не нужен. А я хожу в четвёртый класс сельской школы.

- Хорошо. А от меня тебе что нужно? – спросил директор.

- Понимаете, наша сельская школа не совсем обычная, то есть не такая, как та, в которой я учился в Житомире на Украине, откуда мы с мамой приехали, - попытался объяснить я. - Все младшие классы учатся вместе в одной комнате, правда, в большой. У нас одна учительница на всех. Пока она подойдёт ко мне, я успеваю не только выполнить все задания, но и

помочь младшим. И ещё остаётся время поглядеть в окно или что-нибудь нарисовать на листике. Мне там скучно учиться. Библиотеки у нас нет. А книги, которые есть у хозяйки дома, где мы с мамой живём, я уже все прочитал. А здесь у вас такая большая школа. Наверно, тут и библиотека большая? Вы не могли бы принять меня в вашу школу?

- Верно, библиотека у нас большая, - согласился директор. - А ты готов каждый день топать в школу и обратно по несколько километров?

- Я готов, - ответил я, утвердительно кивнув головой.
- Только примите меня в вашу школу. Я и учиться буду хорошо, вот увидите.

- Ну, я сначала должен поговорить с твоей мамой, - заявил директор. - А почему она не пришла вместе с тобой?

- Мама сегодня работает, - объяснил я. - Но, если Вы согласитесь принять меня в школу, она обязательно придёт.

- Давай договоримся так, - решительно сказал директор. - Мы всё равно сможем принять тебя в нашу школу только после весенних каникул в новой четверти. Так что, скажи маме, чтобы она пришла ко мне ещё до конца этой четверти. Хорошо?

- Хорошо, спасибо, я ей скажу. До свидания! – попрощался я и вышел из кабинета.

Я вернулся домой и, когда мама вернулась с работы, сообщил ей:

- Мама, я сегодня ходил искать новую школу и нашёл большую железнодорожную школу в посёлке за станцией.

Мама удивлённо раскрыла глаза и с недовольством в голосе произнесла:

- А кто тебе разрешил так далеко уходить от дома? А если бы с тобой что-нибудь случилось?

- Мама, ну что со мной могло случиться? – удивился я.
- Я ведь уже почти взрослый. А ты сама меня учила быть самостоятельным.

- Вот и научила на свою голову, - ответила мама.

- Мама, а я разговаривал с директором школы, и он обещал меня принять в свою школу после каникул, - не унимался я. - Но он сказал, чтобы ты пришла к нему поговорить о моём переводе в их школу.

- Хорошо, я зайду к нему как-нибудь, когда буду посвободнее, - согласилась мама. - Я работаю там неподалёку.

Мама сдержала своё обещание и поговорила с директором железнодорожной школы. Было принято решение, что я закончу третью четверть ещё в однокомнатной «школе», а сразу после весенних каникул начну учиться в железнодорожной школе.

Планы - планами, а действительность всё расставила на свои места. Как говорится в пословице: «Человек предполагает, а бог располагает».

Наше недолгое зимнее пребывание в посёлке Тайнча завершилось в начале марта, когда мама неожиданно

для самой себя получила повышение по службе. Уж не знаю, как в тресте «Кокчетавстрой» узнали, что где-то в посёлке Тайнча бухгалтер с Украины работает счетоводом. Но вдруг буквально в самых первых числах марта моя мама получила приглашение от этой организации перейти к ней на работу в качестве бухгалтера и переехать на жительство в областной центр - город Кокчетав. Я думаю, что никто не сомневается в том, что мама с радостью приняла это приглашение.

И вот в красивый солнечный день 10 марта 1957 года за нами пришла грузовая машина. Мы положили в кузов свой нехитрый багаж, сели в кабину и поехали на новое место жительства, учёбы и работы.

3. СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ

«Степь обомлела - и над богом трав
Вознёсся городишко – Кокчетав».

Так написал в 1954 году поэт Илья Сельвинский о том городе, куда мы с мамой переехали в марте 1957 года.

Кокчетав, который расположен на берегу озера Коба на севере Казахстана, был и вправду в то время довольно таки захудалым городишком. В нём не было улиц с твёрдым дорожным покрытием, не было элементарного благоустройства. Зато было огромное количество одноэтажных саманных домиков с плоскими крышами. Эти домики строились из кирпичей, которые изготавливались из глины с добавлением резаной соломы.

Однако в центре Кокчетава уже было построено несколько административных зданий и гостиниц. Тем

не менее, по центральной улице невозможно было пройти без резиновых сапог. И всё-таки постепенно Кокчетав стал превращаться в настоящий современный город.

Кокчетавский строительно-монтажный участок (СМУ) «Сантехмонтаж», куда мама была направлена трестом «Кокчетавстрой» на работу в качестве бухгалтера, строил новые городские микрорайоны. Находился он в степи в двух километрах от хлебозавода, который стоял на окраине города.

Мы с мамой жили в вагончике, который был разделён на две половины. В одной половине вагончика располагалась контора, а другую нам выделили для жилья. Тонкие стенки вагончика не удерживали тепло, поэтому приходилось постоянно топить печку «буржуйку», чтобы не замёрзнуть.

А в качестве топлива мы использовали саксаул. Это характерная для песков и солончаков древесная порода. У саксаула ветвистый и сильно искривлённый ствол. Древесина саксаула очень твёрдая. Пилить или рубить топором его нельзя. Берёшь такой ствол, кладёшь его одним концом на камень, а другим концом на землю и разбиваешь его посередине обухом топора. Иногда попадётся такая саксаулина, что приходится её ломать раз двадцать, пока она разломается.

Воду нам привозили в больших бочках. Ближайшие колодцы были на расстоянии двух километров. Когда вода в бочке заканчивалась, а свежую воду не успевали подвести, то мы брали вёдра, чайники, ещё какие-то ёмкости и топали по степи к колодцам.

В это время я был уже вполне самостоятельным человеком. Когда мама уезжала с отчётами в командировку в столицу Казахстана - город Алма-Ату, я оставался один на хозяйстве и жил вполне нормальной жизнью: заготавливал дрова из саксаула, топил «буржуйку» в вагончике, приносил воду, готовил себе еду, стирал, гладил, мыл полы в вагончике. Короче говоря, самостоятельно вёл домашнее хозяйство.

Ну и, кроме всего прочего, нужно было ещё ходить каждый день в школу. А это было не так уж и просто. Для того, чтобы попасть в школу, приходилось идти пешком два километра по степи до хлебозавода, а потом ещё более километра по улочкам города до автобусной остановки.

А надо отметить, что в то время в Кокчетаве была только одна пассажирская автобусная линия, протяжённостью шесть километров, которую обслуживали всего два автобуса, курсирующие по центральной улице города.

Так как школа находилась в центре города, мне нужно было проехать несколько остановок, чтобы добраться до неё.

А после окончания занятий в школе я преодолевал тот же путь, но уже в обратном порядке. И так каждый день, в любую погоду, несмотря ни на что!

Мама на своей новой работе рьяно взялась за новое дело и быстро навела порядок в бухгалтерии СМУ «Сантехмонтаж». Её успехи были замечены начальством, и уже через два с половиной месяца мама была назначена старшим бухгалтером.

Вот таким образом началась наша степная жизнь в Кокчетаве.

4. МАРТОВСКИЙ МОРОЗ

Так как город Кокчетав находится в северном Казахстане, то в марте ещё всю хозяйничает суровая малоснежная зима.

Однажды мартовским утром я проснулся, глянул в окно и ... ничего не увидел. Вокруг всё было белым-бело. Нет, не от снега, а от тумана. Он был такой густой, что в двух-трёх метрах уже ничего не было видно. Плюс ко всему этому на улице стоял жуткий мороз. Таких морозов мы ещё не наблюдали.

Хочешь - не хочешь, а в школу идти всё равно надо. Делать нечего, замотал лицо тёплым шарфом, натянул на руки ватные рукавицы, спустился с вагончика на землю и ... остановился. Куда идти - не видно. Вокруг меня густое белое облако и никаких ориентиров. Зная, в каком направлении находится начало улицы рядом с хлебозаводом, я двинулся в путь.

Однако в тумане меня занесло намного левее, и я уткнулся носом прямо в высокий белый каменный забор хлебозавода. Двигаясь вправо вдоль этого забора, я, в конце концов, вышел к нужной улице. Дальше было идти значительно легче, потому что я мог уже ориентироваться по домам. Так потихоньку я дошёл до автобусной остановки. Какое-то время пришлось ждать, пока подошёл автобус.

Поднявшись в автобус, я снял рукавицы, чтобы достать деньги на билет. И тут я услышал крики людей:

- Посмотри на свои руки! Они у тебя отморожены!

Я глянул на руки и увидел, что пальцы на руках совершенно белые, как тот туман, из которого я недавно вышел. Кто-то начал дышать мне на пальцы, кто-то тёр мои пальцы о замёрзшее стекло. В общем, все пассажиры автобуса пытались помочь мне, кто как мог. Через несколько остановок автобус подъехал к центру города, и я направился к школе.

Когда я зашёл в класс, мои пальцы уже были в волдырях. Меня тут же отправили к медсестре, которая чем-то намазала, а потом забинтовала каждый палец. Так с забинтованными пальцами я и вернулся в класс.

А в этот день на первом уроке был диктант по русскому языку. Учительница увидела мои перевязанные пальцы и спросила:

- Что у тебя случилось с руками? Почему они у тебя перебинтованы?

- А я по дороге в школу отморозил себе все пальцы? – ответил я.

- Да, сегодня мороз так мороз! – констатировала учительница. - Ну, ладно, писать ты всё равно не можешь. Поэтому просто сиди и слушай. Только никому не мешай!

Да, конечно, а как же, я мечтал об этом всю свою сознательную жизнь! Все будут работать, а я буду бездельничать? Нет, этого не будет! Это не в моём характере!

- Я смогу писать, только не так быстро, как все, - сказал я. - Но я постараюсь не отставать.

- Ну, хорошо, раз ты так хочешь, приготовь тетрадь и ручку, - согласилась со мной учительница.

И я с забинтованными пальцами писал диктант вместе со всеми. Вот такой получился из меня доморощенный Мересьев! Кстати, за диктант я получил оценку «5». А ведь мог бы и не получить!

На обратном пути со школы меня догнала машина нашего СМУ, в которой ехала моя мама, возвращавшаяся из города домой. Когда я сел в кабину рядом с мамой, то молча снял рукавицы и показал ей свои руки. Мама, изменившись в лице, спросила с тревогой:

- Что случилось? Ты поранился?

- Нет, мама, это я сегодня по дороге в школу отморозил себе все пальцы на руках, - ответил я. - Мне наша медсестра их смазала и перебинтовала.

- И тебе очень больно? – сочувственно спросила мама.

- Уже не так, как было вначале, - успокоил я маму. - Я даже писал сегодня диктант по русскому языку.

- Ты у меня просто герой! – похвалила меня мама. - А ты знаешь, я тоже сегодня утром отморозила себе нос.

И только тут я обратил внимание на то, что мамин нос стал неестественно красным.

Вот так мы оба пострадали от мартовского мороза.

5. КРЕСТИНЫ

Нас с мамой окружали очень хорошие люди, которые во всём помогали нам. Ну и мы, в свою очередь, отвечали им тем же.

Нашими близкими друзьями стала семья Поруб. Глава семейства - Николай Трофимович работал вместе с мамой в одном СМУ. Его жена - тётя Катя на многие годы стала лучшей маминой подругой. У дяди Коли и тёти Кати было двое детей: уже взрослый сын Миша и дочь Маша - моя ровесница. Вся семья Поруб когда-то, как и мы, приехала в Казахстан с Украины.

У мамы в бухгалтерии была ещё одна наша землячка с Украины - Нина, которая недавно вышла замуж за одного из молодых парней нашего СМУ. Как и положено, в назначенный срок у молодой пары появился на свет первенец. Молодые родители попросили мою маму и дядю Колю быть его крёстными родителями.

Пришло время крестить ребёнка. В назначенный день все собрались, приоделись и поехали в церковь. Вы только представьте себе эту картину, которая заслуживает кисти великих художников социалистического реализма. Член коммунистической партии - дядя Коля и беспартийная еврейка - моя мама участвуют в обряде крещения в церкви.

Это сейчас стало модно всем членам любых партий бывшего СССР ходить в церковь по поводу и без повода. А уж руководители государства, кажется, вменили это себе в обязанность.

Но в Советском Союзе такое поведение члена партии могло быть расценено, в лучшем случае, как политическая диверсия, а в худшем случае, ... лучше об этом не думать. Мало того, что его исключили бы из партии и выгнали с работы. Вся дальнейшая жизнь, работа и карьера этого человека были бы перечёркнуты бесповоротно.

Всё-таки нашлись «добрые» люди, которые «заложили» дядю Колю. И начались дознания в различных партийных инстанциях, начиная с парторганизации СМУ и кончая обкомом партии. Допрашивали всех подряд, кто что знал и кто не знал, но что-то такое слышал. Дядя Коля, конечно, всё отрицал. А мы все, как партизаны на допросах, в один голос заявляли, что его даже в радиусе нескольких километров не было рядом с церковью. А все остальные - люди беспартийные. И тупые партийные чиновники сдались. С дяди Коли были сняты все подозрения. Так что можно считать, что всё обошлось малой кровью.

Но на последующих днях рождения первенца Нины дядя Коля, когда провозглашал тост за именинника, всегда говорил, улыбаясь:

- Будь здоров и счастлив, мой крестник! Хоть я и не был в церкви на твоих крестинах, как меня обвиняли. Но тогда ты меня, здорово обмочил. Весь костюм был мокрым.

Да здравствуют крёстные родители!

6. ПЕРВАЯ КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

В мае 1957 года маму повысили по службе (она стала старшим бухгалтером) и предоставили ей комнату в коммунальной квартире недалеко от центра города Кокчетав.

В 50-х годах 20-го века население Кокчетава состояло наполовину из спецпоселенцев (немцы, чеченцы, ингуши и другие) и политических ссыльных, которые уже отбыли сроки в лагерях. Их положение было унижительным, но многие приспособились к условиям своего существования и жили не хуже так называемых «свободных» людей.

Волею судеб нам с мамой пришлось жить в одной квартире с чеченской семьёй, которую в 1944 году переселили из Чечни в Казахстан.

Нашими соседями по квартире были муж и жена, которые так же, как и мы, занимали одну комнату в этой квартире. Люди они были, в общем, спокойные и даже, можно сказать, дружелюбные. Во всяком случае, между нами никаких конфликтов никогда не было.

Глава семьи рассказал нам с мамой о том, как их вывозили с родной земли на чужбину:

- Ночью 23 февраля 1944 года оперативная группа, которая состояла из одного оперативного работника и двух бойцов войск НКВД, появилась в нашем доме и начала производить обыск. Искали огнестрельное и холодное оружие, валюту и антисоветскую литературу. От моего отца требовали, чтобы он выдал участников отрядов, которые были созданы немцами, и лиц, которые помогали фашистам.

А потом нам объявили, что чеченцы проявляли себя антисоветски, создавали бандитские группы, убивали бойцов Красной Армии и честных советских граждан. И поэтому нас выселяют из родных мест. Затем всю нашу семью, включая женщин и детей, погрузили на грузовые машины и под охраной вывезли в район вокзала.

С собой нам разрешили взять еду для всей семьи на несколько суток, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь из расчёта 100 кг на каждого человека, но не более 500 кг на семью. Можно было также взять с собой деньги и драгоценности. Мы сдали скот и зерно, и нам выдали какие-то квитанции. Сказали, что по ним мы получим скот и зерно от местных властей на новом месте жительства.

А потом нас погрузили в вагоны, в которых раньше перевозили скот. В каждом вагоне находилось по 45 человек. Почти месяц мы ехали, сами не зная куда. Началась эпидемия тифа, но лечения не было никакого. Люди умирали и от тифа, и от сильного переохлаждения, и от разных хронических болезней, и от физической слабости. Мы хоронили их во время коротких остановок на глухих безлюдных разъездах прямо возле поезда в снегу, который был чёрным от паровозной копоти. Отойти от вагона дальше, чем на пять метров, запрещалось под страхом смерти.

А когда мы прибыли в Казахстан, то оказалось, что местное руководство не в состоянии предоставить нам ни скот, ни зерно, ни продовольствие, ни жилья, ни работы. Мы были оторваны от своего традиционного образа жизни и с трудом приобщались к жизни в колхозах и совхозах. В этом наша трагедия. Больше

всего на свете мы мечтаем вернуться в свои родные места, где мы сможем жить и работать, как прежде.

А закончил свой рассказ сосед следующим заявлением:

- Я никак не могу понять, как вы сами, по своей воле приехали в Казахстан, оставив родной дом на Украине.

Где работали наши соседи, я не помню. Несколько раз в день сосед молился, расстилая коврик посреди комнаты.

Никогда ни он, ни его жена не брали без спросу что-либо из наших вещей. О каком-либо воровстве с их стороны не могло быть и речи. Сосед говорил нам, что у них запрещено воровать у людей частную собственность. Если бы его отец узнал, что он украл у кого-то что-нибудь, то убил бы его на месте.

Что же касается собственности государства, здесь никакой запрет не действовал. Бери всё, что плохо лежит.

У нас была очень большая по размеру комната. Ну, очень большая. Такая большая, что в ней можно было организовывать танцы. Один недостаток был у этой квартиры: там было так холодно, что мы в мае выходили на улицу погреться. Мама попросила на работе предоставить нам другую комнату, пусть не такую большую, но, главное, более тёплую.

И вскоре мы переехали в другую коммунальную квартиру.

7. НОВЫЕ СОСЕДИ - НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Комната во второй коммунальной квартире, куда мы переехали с мамой, была маленькой. Ну, очень маленькой. Всего 9 квадратных метров. По бокам комнаты стояли наши с мамой кровати, между ними у окна помещалась маленькая тумбочка, справа от двери, вплотную к маминой кровати, в углу приткнулся небольшой шкаф для одежды, а слева от двери у печки красовался маленький столик. Это было всё, что помещалось на данной территории.

Нашими новыми соседями были очень интеллигентные люди, татары по национальности. Глава семейства - Али Ахмеров работал инструктором горкома партии, а его жена Саида работала лаборанткой в мясомолочной лаборатории на городском рынке. У них было двое сыновей - семилетний Рашид и двухлетний Таир. Семья Ахмеровых занимала две небольшие комнаты.

В нашей новой квартире была очень большая кухня, на которой и происходили все наши совместные мероприятия. Мы все сразу подружились и жили дружно, как одна семья.

Как-то Саида уехала куда-то надолго, кажется на какие-то курсы по повышению квалификации. Её не было дома месяца два или чуть больше. Мы с мамой, конечно, помогали Али справляться по хозяйству и ухаживать за детьми. Маленький Таирчик даже стал называть мою маму «мамой». Правда, когда Саида вернулась домой после учёбы, он сразу её вспомнил.

Однажды утром за завтраком Али поведал нам о том, что прошедшей ночью они с Таиром были в нашей комнате. Малыш не спал и капризничал. Тогда Али

взял его на руки и понёс на прогулку по ночной квартире, приговаривая при этом:

- Видишь, вот Рашид спит, вот Алик спит, вот тётя Фира спит. Давай теперь и мы пойдём спать.

С этих пор мама стала надевать на ночь более закрытую ночную рубашку.

Если вдруг в какой-нибудь вечер кому-то из взрослых приходила идея о походе в кино, то, естественно, я оставался с детьми дома на хозяйстве. А по возвращении из кинотеатра у мамы и Саиды вдруг появлялось желание испечь какой-нибудь пирог. И наутро мы всей дружной компанией пили чай со свежим пирогом.

Так как наши с Али имена были похожими, то весьма часто возникали комические ситуации. Если кто-то звал «Алик!» или «Али!», то мы оба кричали в ответ «Что?».

Как память об этих людях, у меня на внутренней стороне правой руки около ладони остался знак от ожога утюгом. Как-то мама гладила какие-то вещи в кухне на большом столе. После глажки утюг остался на том же месте. И тут меня нелёгкая понесла зачем-то к этому столу, где я нечаянно коснулся рукой раскалённого утюга. Крики, шум, гвалт, все бегут меня спасать, мама и Саида суют мою руку под холодную воду, а затем мажут её растительным маслом. Белый прямоугольник виден на руке до сих пор.

Когда мы с мамой уезжали из Кокчетава на новое место жительства, Али сумел добиться, чтобы нашу комнату отдали его семье. А на прощание он нам сказал:

- Если на новом месте вам не понравится или там будет что-нибудь не так, как вам бы хотелось, возвращайтесь обратно - ваша комната всегда будет вас ждать.

Мы с мамой всегда вспоминали наших соседей-друзей Ахмеровых с тёплым чувством.

8. ВТОРАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОПЫТКА

Я уже рассказывал о своей первой удачной попытке поступления в музыкальную школу в Житомире летом 1953 года. Тогда по семейным обстоятельствам из-за болезни моей бабушки некому было сопровождать меня туда на занятия. И пришлось отказаться от этой затеи.

Летом 1957 года в Кокчетаве я решил предпринять вторую попытку для обучения музыке. Однако на этот раз я решил, что буду учиться играть не на скрипке, а на баяне. Маме о своём желании снова поступать в музыкальную школу я пока не говорил. Вот когда поступлю, думал я, тогда и скажу.

Где-то в конце июля мама уехала в очередную командировку в Алма-Ату с полугодовым балансовым отчётом.

Я пошёл в музыкальную школу и узнал там, какие документы необходимы для поступления и когда начинаются приёмные экзамены. Все нужные документы я собрал довольно быстро, отнёс их в музыкальную школу и сдал секретарше директора, которая сообщила мне, когда состоятся приёмные экзамены.

В августе в назначенный день я явился на экзамены. Директор школы, увидев меня одного без родителей, подошёл ко мне и спросил:

- Как тебя зовут, мальчик?

- Алик Грибер, - ответил я.

- А где твои родители, Алик? Почему ты пришёл один?
- снова спросил директор.

- У меня есть только мама, она работает старшим бухгалтером в одной строительной организации. А сейчас она находится в командировке в Алма-Ате, - сказал я.

- А кто из вас решил, что тебе нужно поступать в музыкальную школу, ты или мама? – поинтересовался директор.

- Это я решил сам, - уверенно ответил я. - Моя мама даже ещё не знает об этом. Если я поступлю в музыкальную школу, тогда я ей и скажу.

- А почему ты решил поступать в музыкальную школу?
- задал свой новый вопрос директор.

- Я хочу быть музыкантом, и обязательно хорошим, - сказал я. - Когда мне было семь лет, я уже поступал в музыкальную школу в Житомире на Украине, и меня приняли туда по классу скрипки.

- Так почему ты опять поступаешь в музыкальную школу, если ты уже там учился? – удивился директор.

- Да в том то и дело, что я только поступил в музыкальную школу, но не учился в ней, потому что она была далеко от нашего дома и некому было меня туда отводить на занятия и забирать домой после них, - с грустью ответил я. - Вот поэтому теперь, когда я стал старше и могу сам всё делать, я хочу исполнить свою мечту и стать музыкантом.

- И ты хочешь снова стать скрипачом? – спросил директор.

- Нет, сейчас я выбрал для себя другой инструмент. Я хочу научиться играть на баяне, - сказал я уверенно.

- Ну, что ж, в добрый час! Я желаю тебе успехов на экзаменах! – напутственно благословил меня директор.

Экзамены были такими же несложными, как и в житомирской музыкальной школе. Опять проверяли слух, ритм и память. По лицам учителей я понял, что мной остались довольны. После экзаменов мне сказали, чтобы моя мама в конце августа пришла на родительское собрание, на котором будет оглашено решение приёмной комиссии. Я очень волновался, думая о том, что мама не успеет вернуться домой к назначенному дню. Но, на моё счастье, она вернулась из командировки как раз в тот же день, когда должно было состояться родительское собрание в музыкальной школе.

К приезду мамы я подготовился, как мне казалось, неплохо: постирал и погладил все свои вещи, убрал комнату и вымыл полы. Как только мама переступила порог нашей квартиры, я сразу же сообщил ей свою главную новость:

- Мама, сегодня тебе нужно идти на родительское собрание.

- Какое родительское собрание? - удивилась мама. - Ведь учебный год ещё не начался.

- Мама, я должен тебе признаться в том, что я сдавал экзамены, чтобы поступить в музыкальную школу. И как раз сегодня там состоится родительское собрание, на котором объявят имена тех, кого приняли в школу. А вдруг меня тоже приняли?

- А почему ты не поговорил со мной и не спросил моего мнения по этому вопросу? – спросила с некоторой, как мне показалось, обидой мама. - Или я для тебя уже совсем ничего не значу?

- Мамочка, ты для меня как раз очень много значишь, - совершенно искренно сказал я. - Но ведь ты уехала в командировку. А я, гуляя по городу, проходил как-то мимо музыкальной школы и увидел объявление, что там набирают новых учеников. И я решил снова поступить в музыкальную школу, чтобы, наконец-то, стать музыкантом, раз это у меня не получилось, когда мне было семь лет.

- И кем теперь ты собираешься стать? Снова скрипачом? – поинтересовалась мама.

- Нет, мама, Я хочу учиться играть на баяне, - ответил я ей.

- А ты знаешь, что за обучение в музыкальной школе нужно платить деньги?

- Да, мама, я знаю, - сказал я. - А ты не покупай мне ничего, только плати за школу. А я, когда вырасту, буду зарабатывать деньги и отдавать тебе.

- Ладно, со школой мы разберёмся позже, - вдруг заявила мама. - А скажи-ка мне лучше, сын, как это у тебя так получилось, что полы ты вымыл, а в углах осталась грязь? Что, у тебя времени не хватило или терпения было мало?

- Мамочка, не сердись, пожалуйста, я сейчас перемою все полы, - пообещал я. - Только сходи на собрание.

- Нет у меня настроения идти ни на какое собрание, раз ты так встречаешь маму, которая приехала из командировки, - услышал я в ответ.

Я быстро тщательно перемыл пол в комнате, чтобы как-то успокоить и задобрить маму. Но я чувствовал, что она всё ещё сердится на меня. Вскоре мама собралась уходить куда-то. Я её спросил:

- Мама, ты пойдёшь на собрание?

- Я не знаю, - ответила она и ушла.

9. НЕ СКРИПАЧ, НО БАЯНИСТ

Я очень переживал, потому что понимал, что, если мама не пойдёт на собрание, меня не примут в музыкальную школу. Минуты тянулись часами, а часы были такими длинными, что стрелки часов казались приклеенными к циферблату. Но, наконец-то, через несколько часов мама вернулась. Немой вопрос застыл у меня на лице. Наши соседи Али и Саида тоже переживали за меня, так как были в курсе дела.

Мы все сели на кухне за большой стол, и мама начала рассказывать:

- Я немного опоздала к началу собрания, и поэтому не слышала объявления ни о результатах экзаменов, ни о решении приёмной комиссии. Я подошла к секретарше и спросила у неё, не подскажет ли она, к кому мне следует обратиться по вопросу поступления моего сына в музыкальную школу.

- Вам придётся немного подождать, пока освободится директор, - ответила мне секретарша.

Тут секретарша показала рукой на мужчину в сером костюме, вокруг которого толпились какие-то женщины, явно выражавшие ему своё недовольство:

- Почему Вы не приняли моего сына в школу?

- У нас уже куплены музыкальные инструменты!

- Мы создали нашей дочке все условия для занятия музыкой!

- У моего ребёнка талант, а Вы не даёте возможность ему развиваться.

Директор сначала слушал этот нескончаемый галдёж, а потом сказал:

- К нам пришёл мальчик, который сам хочет учиться музыке. Он живёт с матерью, которая сейчас находится в командировке и даже не знает о том, что её сын решил поступать в нашу школу. Он самостоятельно собрал все необходимые документы и блестяще сдал все экзамены. Как же мы можем

принять не его, а ваших детей только потому, что у них дома есть музыкальные инструменты и все условия для занятия музыкой, но они, к сожалению, менее талантливы, чем этот мальчик.

Когда все разошлись, я подошла к директору и представилась:

- Добрый вечер, я мама Алика Грибера. Он мне сказал, что сдавал экзамены в вашу школу.

- Ой, добрый вечер, - сразу почему-то повеселел директор, и его лицо расплылось в широкой улыбке, - я очень рад, наконец, Вас увидеть. Буквально несколько минут назад я рассказывал о Вашем сыне другим родителям. Он необыкновенный мальчик, такой самостоятельный и решительный.

- А как он сдал экзамены?

- Отлично, просто отлично. У него великолепные музыкальные данные. Мы, конечно, приняли его в нашу школу. Так что 1-го сентября Ваш сын должен прийти на собрание всех учеников школы.

- Для меня это полная неожиданность. Конечно, я очень рада за своего сына, но ведь у нас дома нет ни баяна, ни условий для занятий. Я просто не знаю, что мне делать?

- Ваш сын - очень талантливый мальчик. Ему нужно учиться музыке, и мы в этом ему поможем. Вечером после уроков он сможет брать баян здесь в школе и заниматься в одном из классов.

Когда мама закончила свой рассказ, я не смог пошевелиться и продолжал сидеть, как замороженный. Неужели моя мечта, наконец-то, осуществиться?

Али и Саида бросились меня обнимать и поздравлять:

- Мы так за тебя волновались, когда ты сдавал экзамены. А сейчас мы счастливы, что тебя приняли в музыкальную школу. Теперь в нашей квартире будет собственный музыкант. По этому поводу мы сейчас устроим праздничный ужин!

Вот так, таким образом я во второй раз в своей жизни поступил в музыкальную школу. И на этот раз уже ничто не могло мне помешать делать свои первые шаги в музыкальном образовании. Каждый вечер я приходил в музыкальную школу, где уборщица выдавала мне школьный баян, и я, сидя в одном из свободных классов, осваивал игру на этом инструменте.

Уже значительно позднее, где-то в каком-то районе мамыны сотрудники нашли и купили для меня баян «Полтава». Это был мой первый собственный музыкальный инструмент!

10. ПОЧТИ БЕСПЛАТНЫЕ ОБЕДЫ

В августе 1958 года маму перевели на работу старшим бухгалтером в город Талды-Курган в строительномонтажное управление (СМУ) «Сантехстрой».

Провинциальный городок Талды-Курган, который был расположен в центре Семиречья на реке Каратал в предгорьях Джунгарского Алатау на высоте свыше 600 метров над уровнем моря, весь утопал в зелени. Очень

много было тополей, но ещё больше было яблоневых садов. Сам городок был разумно спланирован квадратными кварталами. По всем улицам были проложены арыки, которые служили для полива огородов и садов, так как летом дожди шли редко, и днём было очень жарко.

Талды-Курган был окружён горами, которые ранней весной становились сначала зелёными, а потом к этой зелени добавлялась красная краска. Это расцветали дикие тюльпаны. И горы сразу превращались в нарядные разноцветные полотна.

Население Талды-Кургана в то время было смешанным. Наряду с казахами, здесь жили по своей воле русские и украинцы, а также сосланные сюда по воле Сталина целые народы: чеченцы, крымские татары, корейцы, «русские немцы Поволжья».

Первое время мы с мамой жили в центральной гостинице, потому что не было свободной квартиры. У нас был отдельный номер, который оплачивало управление, где мама работала. Завтраки и ужины мы готовили сами, мама обедала на работе, а я обедал в ресторане при гостинице, который в дневное время работал как столовая.

Когда мама уехала в очередную командировку в Алматы, я продолжал вести тот же образ жизни, что и при маме. Завтраки и ужины я готовил себе сам в номере гостиницы, а обедал в ресторане-столовой. Как любой мальчишка, я пытался экономить деньги, чтобы потом купить себе что-нибудь интересное. С этой целью я заказывал себе на обед суп в качестве первого блюда, а на второе - только какой-нибудь гарнир, ибо это было самое дешёвое из всего.

Каково же было моё удивление, когда, получая гарнир, я всегда находил в нём то котлету, то шницель, то отбивную, то кусок мяса или рыбы. Видя на моём лице изумление при виде такого бесплатного приложения, повара улыбались и говорили:

- Ешь на здоровье!

- Спасибо большое! - отвечал я и уминал за обе щеки бесплатное угощение.

Секрет поваров-филантропов раскрылся, как только мама вернулась из командировки. Будучи дальновидным человеком и зная меня очень хорошо, мама понимала, что я буду экономить деньги на еде, потому что больше мне не на чем было экономить. Поэтому она заранее перед отъездом договорилась с поварами ресторана о том, что они будут меня подкармливать во время её отсутствия, а она после своего возвращения из командировки расплатится с ними.

Вот такие у меня были почти бесплатные обеды.

11. ЛЕКЦИЯ ПО ИСТОРИИ

1-го сентября 1958 года я пошёл в школу, которая находилась недалеко от гостиницы, где мы с мамой жили.

Все мы учились в школе и прекрасно знаем, что по таким предметам, как история, география и, в какой-то степени, литература, проверка учителем домашнего задания в классе ограничивалась пересказыванием учениками материала, который был изложен в учебниках. Такое положение вещей меня не

устраивало, и я всегда искал какой-либо материал, который дополнял то, что было написано в учебниках.

Это заметил учитель истории, который преподавал в нашем 6-м классе. Как-то после очередного урока он подозвал меня к себе и сказал:

- Я заметил, что в своих ответах на моих уроках ты рассказываешь не только то, что написано в учебнике. Откуда ты берёшь эти сведения?

- В библиотеках, в нашей школьной и в городской, - ответил я. - Мне интересно найти ещё что-то такое, что может дополнить мои знания по той или иной теме. И если мне это удаётся, то я с удовольствием делюсь этими знаниями с другими.

- А не хотел бы ты сам подготовить лекцию на какую-нибудь новую тему, с тем чтобы, вместо меня, ознакомить с ней своих товарищей? - вдруг спросил меня учитель.

- Почему бы нет. Я согласен, - кивнул я в ответ. - А какую тему мне нужно подготовить?

- У нас скоро по плану должно быть изучение большой и важной темы - «Великая октябрьская социалистическая революция», - начал объяснять мне учитель. - Я бы очень хотел, чтобы ты подготовил лекцию о взятии Зимнего. У меня есть книга, которая сможет помочь тебе в подготовке - «Они штурмовали Зимний». Здесь ты сможешь почерпнуть нужную дополнительную информацию.

Взяв эту книгу и пролистав её, я понял, что она не отвечала на все те вопросы, которые возникли у меня в связи с подготовкой лекции. Поэтому я пошёл

сначала в школьную библиотеку, а затем и в городскую за необходимыми мне материалами. Вскоре моя лекция была готова, и на очередном уроке истории я объяснял новый материал своим соученикам.

Этот эксперимент так понравился учителю, что он пригласил меня провести такую же лекцию в параллельном 6-м классе.

Таким образом, я впервые попробовал себя в качестве учителя. И первый блин, к моему удовлетворению, не вышел комом.

12. ДЕТЕКТИВНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В апреле 1959 года строительно-монтажное управление (СМУ) «Сантехстрой», в котором мама работала старшим бухгалтером, должны были передать в подчинение другому строительному тресту. Алма-атинский трест «Казсантехстрой» не захотел лишаться такого ценного сотрудника, как моя мама, и срочно повысил её в должности, назначив главным бухгалтером СМУ «Сантехстрой» в городе Гурьеве.

Работники треста, которые специально прибыли из Алма-Аты в Талды-Курган, подготовили операцию по нашему отъезду из города согласно всем канонам детективного жанра. Мы с мамой в то время жили в помещении управления, где были отремонтированы две комнаты, которые и предоставили нам для жилья. Так что, можно сказать, мама находилась на рабочем месте 24 часа в сутки без выходных.

Передача СМУ из треста в трест должна была произойти в последнюю неделю апреля, чтобы с мая

могло приступить к работе руководство нового треста. 27 апреля в СМУ пришли будущие руководители и начали беседовать с каждым из сотрудников. Маме они сказали:

- Мы очень довольны тем, что такой хороший старший бухгалтер будет с нами работать.

- Мне весьма приятно услышать о себе такое мнение, - ответила мама. - Ну что ж, увидимся завтра.

Как только закончился трудовой день, и все разошлись из конторы, к дому подъехала большая машина, в кузове которой размещался массивный контейнер. Мы с мамой, прибывшие из Алма-Аты работники треста, некоторые сотрудники и соседи быстро заполнили контейнер нашими вещами. Машина сразу же после этого уехала. А мы пошли к соседям, у которых к тому времени уже собрались мамини сотрудники. Наши проводы закончились далеко за полночь. Там же у соседей мы с мамой и переночевали.

Утром 28 апреля новые руководители пришли в контору, чтобы продолжить процесс сдачи-приёма СМУ. И тут мама заявила им:

- Я должна поставить вас в известность о том, что я не смогу работать в вашем тресте, так как я уезжаю на новое место работы.

- Как же Вы можете уехать, если всё СМУ переходит из вашего треста в подчинение нашему тресту?

- Но ведь акт передачи нашего СМУ вашему тресту ещё не подписан. Поэтому юридически я в данное время подчиняюсь своему тресту. У меня на руках

приказ о моём назначении главным бухгалтером СМУ «Сантехстрой» в городе Гурьеве. Как вы понимаете, я не могу отказаться от повышения по службе.

- Ваше сообщение очень неожиданно для нас. Мы считали, что Вы переходите на работу к нам вместе со всем коллективом СМУ. Тем более, что здесь находится Ваша квартира.

- Моей квартиры здесь уже больше нет. Можете в этом убедиться сами. Вот ключи от тех комнат, где мы проживали с сыном. Я передаю их вам. Теперь в вашем управлении прибавятся два новых кабинета.

Когда дверь нашей бывшей квартиры была открыта, все увидели перед собой пустые комнаты.

Вечером мы сели в поезд и поехали в город ... Кзыл-Орда, где в то время уже жили наши друзья по Кокчетаву - семья Поруб: дядя Коля, тётя Катя, Миша и Маша. Все вместе мы превосходно провели праздничные Первомайские дни.

А 4 мая 1959 года мы с мамой сели в поезд и уехали в город Гурьев на новое место жительства, работы и учёбы.

13. ОБЖИВАНИЕ НА НОВОМ МЕСТЕ

За предыдущие два с половиной года нашего пребывания в Казахстане мы с мамой сменили три населённых пункта: посёлок Тайнча, город Кокчетав и город Талды-Курган. Это было связано с работой и карьерным ростом мамы.

Прибыв в начале мая 1959 года в новый пункт нашего проживания - город Гурьев, я не предполагал, что он займёт такое важное место в моей жизни на предстоящие шесть с половиной лет.

Город Гурьев был расположен в Прикаспийской низменности в устье впадения реки Урал в Каспийское море. В 1959 году здесь проживало около 80 тысяч человек. И мы с мамой стали частью этого города.

Когда мы приехали в Гурьев, квартира для нас ещё не была готова. Начальником СМУ «Сантехстрой» был немец по национальности, который до войны жил в Поволжье, но с началом войны его с семьёй выслали в Казахстан. Он предложил пожить нам пока в его в доме. Мы приняли это предложение и где-то больше месяца жили среди хороших людей.

Так как до конца учебного года оставался ещё целый месяц, я начал посещать шестой класс близлежащей школы. В связи с тем, что в качестве иностранного языка там изучали французский язык, а я до этих пор я изучал в школе немецкий язык, мне приходилось сидеть на уроках французского языка в качестве вольного слушателя.

Вполне естественно, что сразу же по приезде я начал посещать занятия в музыкальной школе. Меня определили к молодому учителю Виктору Шишманову, который в 1959 году оканчивал музыкальное училище. Через месяц наших занятий, когда я окончил второй класс музыкальной школы, мой учитель совершенно неожиданно для меня заявил, что в следующем 1959-60 учебном году мне придётся очень много работать, так как он считает, что я в состоянии пройти за один год программу 3-го, 4-го и 5-го классов и окончить досрочно музыкальную школу. Этот план был

впоследствии успешно осуществлён. За каждую учебную четверть я выполнял годовую программу определённого класса, а в четвёртой учебной четверти я играл музыкальные произведения по программе 1-го курса музыкального училища.

Где-то примерно в середине лета 1959 года мы с мамой поселились в трёхкомнатной квартире на 1-м этаже двухэтажного восьмиквартирного дома, который был расположен на улице Ленина недалеко от проспекта Ауэзова. Здесь нам выделили две комнаты. В комнате поменьше, примерно 9 квадратных метров, жил я. Большая комната, примерно 15 квадратных метров, служила спальней для мамы. В ней мы также принимали гостей, так как там помещался большой раздвижной стол. В квартире была небольшая кухня, а также ванная комната и туалет.

Ещё одну комнату в этой квартире занимала женщина по имени Мария, в возрасте 30 плюс, и её маленькая дочка Люда, 6-7 лет. Муж Марии, чеченец по национальности, сидел в тюрьме, и мы не имели счастья видеть его.

Зато мы видели всех ухажёров Марии. А их было немало. И приходили каждый день почему-то разные мужики, пока мама не запретила Марии эти посещения. Тогда эти ухажёры стали лазить к ней в окно. Благо, что мы жили на первом этаже. Как-то раз вечером у мамы в комнате открылось окно, и в нём показалась физиономия какого-то мужчины. Поняв, что он не туда попал, мужик крикнул «Ой!» и мгновенно испарился. Был большой шум, и мама сказала Марии, что напишет её мужу обо всём, что происходит в нашей квартире. И только после этого Мария немного присмирела и оставила себе только

одного ухажёра, который ещё долго к ней ходил. Правда, уже через дверь.

Ни у мамы, ни у меня не сложились близкие душевные отношения с Марией. Хотя мы довольно таки мирно сосуществовали с ней и её дочкой два с лишним года, пока в сентябре 1961 года нам с мамой не предоставили отдельную квартиру в новом доме.

14. «ПРЕЛЕСТИ» ГУРЬЕВСКОГО КЛИМАТА

Если сказать, что в Гурьеве был резко континентальный климат, это значит, ничего не сказать. Климат, мягко говоря, был неприветливый. А, если уж по-честному, то климат в Гурьеве был тяжёлый и даже, можно сказать, суровый. Летом, с конца июня и до сентября, стояла страшная жара - плюс 35 градусов в тени и 50 градусов на солнце. Воздух был очень сухой. Поэтому мы ощущали себя всё время, как в раскалённой духовке.

Кроме того, очень часто здесь были такие пыльные бури, что солоноватый песок скрипел на зубах, и приходилось наглухо закрывать окна в квартирах, находясь в невыносимой духоте. Летом дожди шли редко. Они хоть иногда смывали пыль с домов и поливали деревья и другую растительность, создавая кратковременную прохладу в жару.

Ночью больше половины жителей города спали на улице, на крышах домов и сараев, так как в квартирах было душно и жарко. У многих для этой цели были изготовлены специальные лежанки.

Мы с мамой перед сном залезали в ванну с «холодной» водой, остывали там немного, потом, не

вытираясь, ложились в постели под вентиляторы и старались уснуть до тех пор, пока наши тела не становились сухими.

Неотъемлемым атрибутом Гурьева являлись полчища комаров, которые вечерами заполняли собой всё пространство города. Какими жидкостями и кремами мы только не мазались, ничего не помогало: комары облепляли все открытые участки тела. Вечером, выходя на улицу, каждый человек брал с собой какую-нибудь ветку или иное приспособление для разгона этих кровососов. По улицам города разъезжали специальные машины с цистернами вместо кузова, похожие на бензовозы. Из этих цистерн извергались клубы какого-то жёлтого дыма, который уничтожал комаров. Потом над городом начали летать самолёты сельскохозяйственной авиации, которые опыляли улицы белым туманом. Но, как ни странно, комаров стало меньше.

Осенью с приходом дождей начиналась грязь. Ну и что, скажете вы, везде осенью грязь. Да, везде, но в Гурьеве грязь была особенная. Было такое впечатление, как будто в грязь кто-то добавил клей, отчего она становилась липкой, жирной и не смывающейся. Из-за глинистой почвы грязь бывала ещё полужидкая, похожая на тот материал, из которого гончар делает горшки. Не смывающаяся липкая жирная глинистая грязь на обуви в дождливые дни - главная примета Гурьева.

И тогда перед входом в каждое общественное здание, будь то горком партии, школа, кинотеатр или другое заведение, выставлялись большие железные наполненные водой корыта, из которых торчали деревянные палки с прибитой резиной, рогожей или тряпкой. И все люди, без исключения, мыли свою

обувь в этих корытах, прежде чем зайти внутрь помещения. Обычно самый грязный сезон начинался в Гурьеве в октябре-ноябре и заканчивался в марте-апреле. В это время весь город был выпачкан в грязи.

Зима в Гурьеве всегда была разная: то снежная и мягкая, то, наоборот, холодная и ветреная, и почти без снега. Хотя первый лёд на Урале, как правило, вставал уже в конце ноября, зима начиналась не по календарю, а с первого снега. И его, как манну небесную, ждали горожане всегда под Новый год. Зимой снега выпадало мало, зато дули жгучие ветра. И это при том, что температура воздуха достигала минус 20-40 градусов.

Как только наступала оттепель, сразу же возвращалась грязь.

Как пелось в одной известной песне: «Полгода - плохая погода, полгода - совсем никуда».

Кажется, что это было написано именно о Гурьеве.

15. ДЕЛИКАТЕСЫ ГУРЬЕВА

После описания «прелестей» гурьевского климата пришло время рассказать и о том, чем же был славен город Гурьев.

Через весь город протекала река Урал, которая, направляясь в Каспийское море, разделяла город на две части: левую азиатскую - Бухарскую и правую европейскую - Самарскую. В 1949 году через реку Урал был проложен металлический понтонный мост, который просуществовал 16 лет и являлся главным транспортным средством, соединявшим две части

города. В 1965 году недалеко от понтонного моста был воздвигнут новый железобетонный мост длиной 259 метров. Но речь пойдёт не о мостах.

Гурьев всегда был богат деликатесной рыбой и чёрной икрой. Рыба была разнообразная: белуга, осётр, севрюга, лосось, белорыбица, шип, сом, сазан, лещ, судак, щука, вобла, жерех. Одни названия уже способствуют выделению слюны и желудочного сока. Гурьевский базар с её свежей рыбой всевозможных названий и сортов - это мечта любого гурмана. Частиковая рыба - лещ, вобла, судак, жерех - продавалась рыбаками за копейки. Да и остальная рыба была очень дешёвой.

Рецепты приготовления различных блюд из этих рыб могут составить многотомную энциклопедию. Даже простое перечисление названий таких рыбных блюд займёт уйму страниц. Салаты, холодные блюда и закуски, заливные блюда, заправочные супы, отварная, паровая, тушёная, жареная и запечённая рыба, рыбные пироги - вот далеко не полный перечень того, что можно было приготовить из деликатесной гурьевской рыбы.

Часто отдельные экземпляры осетровых рыб имели такие гигантские размеры, что превосходили собой даже самые правдивые рассказы бывалых рыбаков. Положишь себе, бывало, на плечо громадную голову такой красавицы, а её хвост тянется за тобой по земле, поднимая пыль. В марте 1961 года была выловлена белуга весом 350 килограмм, в которой было 50 килограмм икры.

Рыбу мы не только покупали на базаре, хотя она там стоила копейки. Мы с мальчишками ходили на реку в те места, где рыбаки вели промышленный лов рыбы.

На Урале в Жилгородке было немало рыбацких артелей: в районе химпрофилактория, за клубом, в зоне пляжа и на водозаборе. Мы заходили в воду и шли рядом с сетями, подбирая рыбу, которая плыла рядом или выпрыгивала из сетей. Мы брали только рыбу осетровых пород, сазана, жереха, судака, воблу и леща. Сом, чехонь, тарань, краснопёрка и прочая мелочь нас не интересовала, и мы её отпускали обратно в реку.

Я набирал мешок или два самой разнообразной рыбы и нёс домой. Мама забирала несколько штук, а остальное я бесплатно раздавал соседям. А они ещё не всегда хотели её брать!

А ведь мы совсем забыли о таком деликатесе, как чёрная икра осетровых рыб. Многие из вас, наверно, видели бутерброды с чёрной икрой, где на большом куске хлеба рассыпано несколько чёрных крупинок. Наверняка, некоторые даже пробовали такое лакомство.

Так вот, в Гурьеве икру ели столовыми ложками и в любых количествах. Мало того, мы ещё ходили и выбирали, что купить - икру, изготовленную на морской воде, или икру, которую готовили на речной воде. У каждого были свои предпочтения. А почему бы и нет. Ведь килограмм чёрной икры на базаре после денежной реформы 1961 года стоил один рубль, максимум – полтора рубля, в то время, как в ресторане он стоил 19 рублей. Минимальная зарплата в то время была, кажется, если я не ошибаюсь, 70 рублей.

В каждой гурьевской семье такого добра, как деликатесная рыба и чёрная икра, в те годы было предостаточно.

Когда я служил в армии в Подмосковье, ко мне в гости приехала мама и привезла с собой трёхлитровый бутыль чёрной икры. Многие из моих сослуживцев вообще впервые видели чёрную икру воочию. И мы все после отбоя в казарме пили красное вино и закусывали чёрной икрой.

А вы думали, что в Гурьеве были только тяжёлый климат и грязь?

Да мы там купались в деликатесах!

16. ГУРЬЕВСКИЙ ОАЗИС – ЖИЛГОРОДОК

Теперь пришла очередь рассказать о городе в городе, о красивейшем месте Гурьева - Жилгородке. Мы жили недалеко от него, поэтому он занимал важное место в нашей гурьевской жизни. Это был европейский оазис в азиатской пустыне.

Жилой городок нефтепереработчиков, или третий район города, представлял собой целый архитектурный комплекс, в котором было запроектировано буквально всё: ясли, детский сад, школа, аптека, почта, магазины, Дворец культуры, стадион «Нефтяник», парк, пляж, баня, парикмахерская, кафе, санаторий-профилакторий, больница с родильным отделением, поликлиника, теплица.

Двухэтажные жилые дома из белого камня с большим количеством веранд, открытых лоджий, пролётов, витражных окон, колонок и прочих архитектурных изысков в стиле барокко были самым оптимальным жильём в условиях климата Прикаспийской

низменности с песчаными бурями и постоянными ветрами.

За этот проект первого в СССР микрорайона, где были учтены все необходимые для жизнедеятельности человека условия, архитекторы получили Сталинскую премию.

Наряду с архитектурными застройками создателями Жилгородка были предусмотрены и большая парковая зона, и многочисленные зелёные аллеи между улицами, и садово-огородные участки вокруг домов.

Строить этот район начали пленные немцы ещё во время войны в 1944 году. Тогда же привезли в Гурьев из Актюбинска 35000 саженцев различных деревьев и кустарников. Впоследствии у самой реки Урал появился огромный роскошный парк, в котором были и аттракционы, и танцевальная площадка, и зимний каток, и места для проведения различных игр и турниров.

Рядом с парковой зоной на берегу реки расположился песчаный пляж с красивыми грибками, лежанками и навесами. И тут же, рядом с пляжем, соседствовали лодочная станция и детский бассейн с вышкой.

На мой взгляд, это был самый приятный район города, зелёный и уютный. Поэтому здесь любили отдыхать и проводить своё свободное время многие жители города. «Это наша Швейцария!» - восхищённо говорили они. Неповторимую красоту и уют этому уникальному по своей композиции и благоустройству району придавало также и то, что он, находясь в объятиях реки Урал, был своего рода полуостровом.

В Жилгородке было всего семь улиц и один центральный проспект, который сначала носил имя Сталина, но позднее ему было присвоено имя выдающегося казахского писателя, драматурга и учёного Мухтара Ауэзова. Венцом Жилгородка являлась площадь Победы, в центре которой радовал глаз большой фонтан «Три грации».

А во главе площади возвышался Дворец культуры нефтеперерабатывающего завода, или как его называли в простонародье - клуб ГНПЗ. Он всегда был главной достопримечательностью Жилгородка. Великолепный большой зрительный зал на 500 мест был окаймлён многочисленными балконами, а потолок, украшенный художественной росписью, венчался огромной хрустальной люстрой. Рядом с громадной сценой разлеглась внизу просторная оркестровая яма.

В фойе первого этажа располагались гардеробные, туалетные комнаты, малый кинозал и буфет. В праздники здесь играл заводской духовой оркестр, под который можно было потанцевать. А в обычные дни своих гостей ждала фотостудия. Второй этаж был предназначен для отдыха: здесь можно было почитать газеты и журналы, поиграть в шашки и шахматы в комнате отдыха, посетить заводской музей, а в комнате для детей маленьких посетителей ждали разнообразные игры. На третьем этаже разместились большая библиотека с читальным залом, а также комнаты для многочисленных кружков, студий и других творческих коллективов.

Каждый день в клубе ГНПЗ шли новые фильмы. Чтобы посмотреть шедевры мирового кинопроката, сюда стекался народ со всего города. Достать билеты на вечерние сеансы было большой проблемой. А что

творилось здесь по воскресеньям, во время детского сеанса на 12 часов! Не то, что яблоку, ореху негде было упасть! В зал на 500 мест набивалось, пожалуй, детворы раза в два больше. Многие мальчишки и девчонки сидели в проходах на полу или на балконах.

Мы ходили пешком или ездили на автобусе в магазины или в аптеку Жилгородка.

В Жилгородке в 1959-60 учебном году я проучился в 7 «Б» классе школы имени Гоголя.

Мы отдыхали в парке Жилгородка.

Мы ходили в кино и на концерты в Дворец культуры ГНПЗ Жилгородка.

В Жилгородке я стригся под модный тогда «полубокс» за 15 копеек в старой однокомнатной парикмахерской на четыре посадочных места.

В Жилгородок я бегал на стадион «Нефтяник» болеть за свою любимую футбольную команду.

Но на стадионе проходили не только футбольные матчи и заводские олимпиады, но и все городские массовые мероприятия. На то время это был единственный большой стадион в городе, поэтому все городские и областные первенства по различным игровым видам спорта, фестивали, праздники и конкурсы проводились именно там.

Вот почему невозможно переоценить ту роль, которую играл в нашей жизни гурьевский Жилгородок!

17. АКТЁР ДЕТСКОГО ТЕАТРА

Задатки актёра проявились у меня уже в самом раннем возрасте. Это выражалось в умении подражать жестам, походке и голосам окружающих людей. Я был очень разговорчив, и речь моя была очень выразительна. Мне нравилось разыгрывать различные сценки.

Как-то мама решила меня за что-то наказать и заперла в нашем сарае во дворе, чтобы я не мог играть с другими детьми. Но уже через короткое время все дети нашего двора были около этого сарая и смотрели во все щели представление «театра теней», которое я им разыгрывал. Сценарий спектакля сочинялся тут же, что называется «по ходу действия».

А когда я лежал в больнице после удаления миндалин, то такие же представления собственного «театра теней» я устраивал в нашей палате для ребят, которые лежали там. Обычно это происходило по вечерам, когда электричество в палате уже было потушено, но из коридора пробивались в палату полосы света.

С самого раннего возраста мама водила меня почти на все спектакли Житомирского областного драматического театра, как на детские, так и на взрослые. У неё была подруга, которая работала билетёром в этом театре. И та пропускала нас на спектакли или бесплатно, или по контрамарке. Я познакомился и с русской, и с украинской, и с зарубежной драматургией, а также с артистами театра. Я мечтал, что, когда вырасту, тоже стану артистом.

И вот, наконец, в Гурьеве, во Дворце культуры ГНПЗ Жилгородка, в детском самодеятельном театре моя мечта осуществилась. Как-то в вестибюле школы я прочёл объявление, что детский театр клуба ГНПЗ

набирает новых артистов. Я воспринял это объявление как знак судьбы и тут же отправился туда предлагать себя в качестве актёра.

Руководительница детского театра устроила мне несколько проверок на владение речью, мимикой, пластикой тела, пением, танцами, в общем, всем тем, что зовётся актёрским мастерством. Как видно, экзамен я выдержал, потому что мне предложили роль Советника в спектакле «Снежная королева» по сказке Г.-Х. Андерсена. Начались репетиции, которые проходили примерно раза два в неделю. Премьера спектакля была назначена на зимние школьные каникулы.

И вот наступили долгожданные школьные каникулы. За несколько дней до нового 1960 года в клубе ГНПЗ начались новогодние представления. В фойе второго этажа установили огромную ёлку. Наряженные в костюмы сказочных героев детишки вместе с Дедом Морозом, Снегурочкой и их друзьями дружно водили хоровод, принимали участие в конкурсах и театрализованном представлении.

Затем в большом зале наш театр показывал спектакль «Снежная королева». Советник, роль которого досталась мне, по ходу пьесы, назидательно подняв указательный палец, говорил Каю и Герде:

- Хорошие дети: а) не перечат взрослым, б) не делают то, что.....

Ну, и так далее.

Ещё очень долго при встрече со мной на улице различные мальчишки и девчонки ассоциировали меня с моим героем-Советником. Они смотрели на меня,

улыбались, поднимали кверху указательные пальцы и восклицали:

- Хорошие дети: а) не перечат взрослым.....

Значит, эта роль мне удалась.

18. ЗА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО!

А теперь я хочу рассказать о том, как в гурьевские школьные времена мне удалось постоять за свою честь и своё достоинство.

Вот один из характерных случаев.

Однажды какой-то мальчишка имел неосторожность назвать меня «жидом». Я, недолго думая, со всей силы ударил его наотмашь по лицу. Он упал. Но я не стал бить лежащего и ушёл домой. Примерно через час-полтора к нам в нашу коммунальную квартиру пришла мама этого мальчишки, ведя за руку своего отпрыска. Она заявила моей маме:

- Ваш сын так сильно ударил моего сына по лицу, что он полчаса провалялся без сознания.

Мама удивлённо посмотрела на меня и спросила:

- Алик, что случилось? Ты начал драться?

- Иногда нужно драться, если это необходимо, - ответил я. - Этот мальчишка оскорбил меня, назвав «жидом». Тогда я ему дал пощёчину, чтобы он знал в следующий раз, как, что и кому говорить.

Как только я закончил своё объяснение, женщина молча развернулась, взяла своего сына за руку, и они ушли. Таким образом, инцидент был исчерпан.

Помню ещё один аналогичный случай.

Как-то я купался на реке Урал. Недалеко от меня находилась компания каких-то ребят. Один из них вдруг начал приставать ко мне, явно напрашиваясь на драку. Тогда я сказал этому пацану:

- Ты лучше уйди от меня по-хорошему!

Чувствуя за собой поддержку своих приятелей, этот недоумок крикнул мне:

- Ты сам убирайся отсюда, жид!

Это были его последние слова, которые он произнёс в этот день. Увидев на земле железный обруч от бочки, я схватил его и запустил им в обидчика. Пацан тут же упал, его дружки подбежали к нему, а я собрал свои вещи и ушёл домой.

Спустя какое-то время мне рассказали, что обруч попал этому мальчишке в кадык и повредил его. Потом ему делали операцию. После своего выздоровления ни этот пацан, ни его дружки уже не осмеливались оскорблять меня.

Так я воспитывал тех, кто имел неосторожность оскорблять мою честь и моё достоинство!

Вспоминая то время, я понимаю, как, благодаря всем пережитым трудностям, мне удалось закалиться так, чтобы в дальнейшей жизни никому не давать права оскорблять меня и мой народ!

19. МОЁ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В 7-Б классе общеобразовательной школы имени Гоголя у меня появился близкий приятель - Борис Ишханов. Нас, кроме всего прочего, объединяла также любовь к музыке. Боря, как и я, тоже учился в музыкальной школе, но по классу трубы. Его отец Борис Яковлевич был руководителем духовых оркестров и преподавателем по классу духовых инструментов. Так что Борис-младший пошёл по стопам отца.

Как только закончился 1959-60 учебный год, мы с Борькой, даже не задумываясь, сразу же подали документы для поступления в музыкальное училище, которое было открыто в городе Гурьеве в 1958 году: я - на народное отделение по классу баяна, а Борис - на духовое по классу трубы. Вместе с нами в училище на фортепианное отделение поступала ещё одна наша одноклассница - Людмила Лапан.

На вступительных экзаменах по специальности, то есть по баяну, я исполнил ту же программу, которую в конце учебного года исполнял один из студентов первого курса этого же музыкального училища. Я уже рассказывал, что мой преподаватель в музыкальной школе Виктор Шишманов специально дал мне для исполнения произведения, входившие в программу первого курса музыкального училища.

Вступительные экзамены были успешно сданы, и я был принят в училище. Вместе со мной удача сопутствовала и бывшим моим одноклассникам Борису Ишханову и Людмиле Лапан, которые стали теперь моими сокурсниками. Итак, 1 сентября 1960 года я

стал студентом народного отделения по классу баяна Гурьевского музыкального училища имени Дины Нурпеисовой.

Кроме народного, духового и фортепианного отделений, в училище были также струнное и дирижёрско-хоровое отделения. Наше училище тогда занимало лишь один нижний этаж большого старого здания. Только через пару лет училище было переведено в новое здание, которое находилось недалеко от дома, где я жил. И мои друзья по училищу, проходя около моего дома, всегда стучали мне в окно.

Директором училища был выпускник Алма-Атинской консерватории Сеилхан Хасиетович Хусаинов, который являлся одним из основателей училища. Он вёл также класс домбры - казахского народного музыкального инструмента - и преподавал дирижирование оркестром.

Заведующим учебной частью был Йосиф Колтайс, который преподавал теоретические дисциплины, а также был дирижёром симфонического оркестра училища.

Заведующим народным отделением был Иван Васильевич Хованский, а преподавателями по классу баяна – Алексей Тихонович Ивакин и Алексей Яковлевич Бахирев.

Из других преподавателей мне запомнилась Софья Львовна Волож, которая привила мне любовь к музыкально-теоретическим дисциплинам: сольфеджио, музыкальной литературе, анализу музыкальных произведений.

Роальд Борисович Топчевский, с которым я позже работал в эстрадном оркестре Дома культуры нефтяников имени Орджоникидзе, преподавал у нас такие музыкально-теоретические дисциплины, как гармония, теория музыки и музыкальная грамота.

Оркестром русских народных инструментов училища руководил Т. Кузенбаев.

Кроме музыкальных дисциплин, мы изучали и такие общеобразовательные предметы по программе средней школы, как русский язык и литература, математика, физика, история, обществоведение, немецкий язык.

На нашем курсе вместе со мной на разных отделениях занимались очень хорошие ребята и девчонки: Эдуард Григорьян, Владимир Лычѳв, Татьяна Лебедева, Владимир Шеффер, Геннадий Набиев, Людмила Лапан, Борис Ишханов, Александр Великий, Владимир Харута, Светлана Шубина, Элла Ивакина, Валерий Алифанов, Дмитрий Мавродиев, Эдуард Мищенко, Светлана Грачѳва, Владимир Карпушин, Валентина Матвеева, Владимир Горбатюк, Виктор Завьялов и ещё многие другие.

Уже с первых дней обучения в училище я очень серьёзно относился к совершенствованию своего музыкального образования. Я шлифовал своё исполнительское мастерство баяниста, играл в ансамблях и оркестрах училища, овладевал искусством игры на фортепиано и других музыкальных инструментах (контрабас, русская домра).

С большим энтузиазмом я изучал инструментоведение, инструментовку, дирижирование оркестром и хором, чтение оркестровых и хоровых партитур, хороведение,

педагогика и методику обучения игре на музыкальных инструментах, народное музыкальное творчество.

К своей учёбе я подходил не потребительски, а старался всегда найти что-то новое, ещё не использованное другими. Для гармонизации мелодий я придумал специальную таблицу, которая позволяла мне быстро находить нужные аккорды и показывала различные варианты гармонизации.

Я любил делать переложения симфонических произведений для баяна и оркестра русских народных инструментов с целью расширить их репертуарные возможности. На государственных экзаменах я дирижировал таким оркестром, который исполнял симфоническую сюиту Э. Грига «Пер Гюнт».

Ещё на первом курсе я увлёкся музыкой Л. Бетховена и сделал переложение для баяна второй части его Пятой симфонии, которую и включил в свою программу. На втором курсе я играл уже своё собственное переложение для баяна первой части этой симфонии, а на третьем курсе - переложение третьей части симфонии. И как итог всему этому, на государственных экзаменах я исполнил на баяне всю Пятую симфонию Л. Бетховена в своём переложении, что до меня ещё никогда никто не делал. На протяжении учёбы в училище я делал и другие переложения для баяна разных композиторов.

Но, кроме баяна, меня притягивал к себе ещё один музыкальный инструмент - фортепиано. Познакомившись с ним на занятиях по общему фортепиано, я влюбился в него и поставил себе цель стать также и пианистом.

Как-то я услышал «Лунную сонату» Л. Бетховена в исполнении своего сокурсника Владимира Шеффера. Нужно отметить, что его мама была пианисткой и работала концертмейстером в нашем училище. Естественно, что Володя с детства учился играть на фортепиано.

Мне так понравилось его исполнение «Лунной сонаты», что я решил тоже выучить это произведение. И что же вы думаете, очень скоро я уже играл первую часть этой сонаты. А впоследствии я исполнял её на экзамене по фортепиано.

Любовь к фортепиано была настолько велика, что я позволял себе дерзость сочинять различные пьесы для этого инструмента. Так появлялись «Драматическая поэма», «Элегия» и другие сочинения. Сочинял я также и для баяна, и для струнного квартета.

В 1964 году я окончил Гурьевское музыкальное училище и получил следующие квалификации:

- преподаватель музыкальной школы,
- концертмейстер,
- дирижёр и руководитель оркестра.

Параллельно с учёбой в музыкальном училище я также занимался на музыкальном факультете в московском Заочном Народном Университете Искусств Центрального дома народного творчества имени Н. К. Крупской Министерства культуры РСФСР. В 1964 году я окончил там курс ГАРМОНИИ, а в 1965 году - курс ИНСТРУМЕНТОВКИ ДЛЯ ОРКЕСТРА.

20. ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Вы будете смеяться, но мой трудовой стаж начался 1 апреля 1961 года. Да-да, именно 1 апреля, и это - не розыгрыш.

В конце марта 1961 года в Гурьевское музыкальное училище, где я в то время учился на первом курсе, пришли представители профсоюза Гурьевского отделения Казахской железной дороги для того, чтобы найти хорошего баяниста в качестве руководителя художественной самодеятельности клуба железнодорожников.

27 или 28 марта в первой половине дня ко мне подошла секретарь директора и сказала:

- Альфред, тебя вызывает к себе Сеилхан Хасиетович.

- А что случилось? Вы не знаете, зачем? – спросил я её.

- Я не знаю, - ответила секретарша. - У него сидят какие-то люди, и они о чём-то разговаривают. Он попросил меня найти тебя. Так что идём со мной.

Я пошёл с ней, теряясь в догадках, по какому это поводу меня вдруг вызывают к директору училища. Учусь я, вроде, хорошо, дисциплину не нарушаю, принимаю участие в общественной жизни. Так размышляя, я подошёл к кабинету директора.

Секретарь зашла в кабинет, чтобы доложить о моём приходе. Почти сразу она вышла и пригласила меня войти.

Войдя в кабинет Хусаинова, я увидел сидящих там директора училища, заведующего народным отделением Ивана Васильевича Хованского и ещё

каких-то двух незнакомых мне людей - женщину и мужчину. Как только я поздоровался, Сеилхан Хасиетович воскликнул:

- А вот и он. Здравствуй, Альфред, садись. Тут, понимаешь, такое дело. К нам пришли из профсоюза железнодорожников: председатель профсоюза и директор клуба. В настоящее время они остались без руководителя художественной самодеятельности. Поэтому они пришли к нам за помощью и просят нас подобрать из наших студентов хорошего баяниста, который сможет возглавить их художественную самодеятельность. Я пригласил Ивана Васильевича, чтобы он порекомендовал нам ответственного студента со своего отделения. Ты будешь удивлён, но его выбор пал на тебя.

- На меня? – удивился я. - Но ведь я ещё только учусь на первом курсе.

- Ну и что? – возразил мне директор. - Зато ты хорошо играешь на баяне и можешь очень быстро подобрать по слуху любую мелодию. А знаешь, как это важно при подготовке концертных номеров при нашем дефиците современного нотного материала.

- Пусть так, но, во-первых, ведь всего месяц назад мне исполнилось только 15 лет, - попытался я привести свои доводы. - А во-вторых, у меня совсем нет опыта в работе с художественной самодеятельностью.

- Но ведь ты аккомпанируешь на концертах нашим певцам и музыкантам-солистам, - убеждал меня Хусаинов. - Вот и будешь аккомпанировать певцам и танцорам в клубе железнодорожников. И потом, ведь

не боги горшки обжигают. Когда-то ведь и тебе надо начинать набираться опыта. Ну как, согласен?

Крыть мне было нечем, и я согласился.

1 апреля 1961 года я приступил к работе в качестве руководителя и музыканта художественной самодеятельности клуба железнодорожников. Времени на раскачку не было. Ведь нужно было подготовить праздничный концерт к Первому Мая. Я сразу же начал отбор вокалистов. У некоторых из них уже были песни, которые они когда-то пели или которые они хотели спеть. Так постепенно формировался репертуар.

Несколько певиц и певцов я объединил в ансамбли - дуэты, трио и квартеты. Вместе с подбором репертуара накапливался опыт аранжировки песен для ансамблей. Всё своё свободное время я использовал для слушания песен по радио и на грампластинках для изучения правил обработки песен.

Наряду с вокалистами появились и танцоры, которым я только аккомпанировал, так как танцевальные номера у них уже были поставлены кем-то раньше. Хотя, вспоминая свои занятия в балетной студии, я иногда кое-что подсказывал им по ходу танцев.

Так мало-помалу постепенно складывалась программа концерта.

И в конце апреля, буквально перед первомайскими праздниками состоялся мой первый концерт-дебют как руководителя художественной самодеятельности. Конечно же, я очень волновался и за себя, и за всех участников концерта. К счастью, всё прошло очень даже неплохо.

Так произошло боевое крещение в новой для меня деятельности. И я чрезвычайно был доволен тем, что с огромным интересом окунулся в новую для меня работу, которая приносила радость творчества, не покидавшую меня всю последующую жизнь.

А потом были уже другие концерты, другие репетиции, другие номера, другой репертуар. Проработал я в клубе железнодорожников до 12 февраля 1962 года.

21. МУЗЫКАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДЕТСКОГО САДА

Не прошло и четырёх месяцев с начала моей работы в клубе железнодорожников, как поступило новое предложение.

В 7-Б классе школы имени Гоголя, где я учился в 1959-60 учебном году, была одна девочка - Рита Гольдина. Вся её семья: папа - Арон Моисеевич, мама - Белла Яковлевна и сёстры - Анна и Людмила стали нашими большими друзьями на много лет. Дом, где они жили, находился на проспекте Ауэзова, примерно в двух кварталах от нашего дома. Мы с мамой очень часто приходили в семью Гольдиных и чувствовали себя там, как дома.

Рядом с домом Гольдиных на том же проспекте Ауэзова располагался детский сад № 4 городского отдела народного образования. Белла Яковлевна была знакома с заведующей этим детсадом и как-то в разговоре с ней упомянула, что среди друзей их семьи есть юноша, который оканчивает первый курс музыкального училища и играет на баяне и фортепиано.

По стечению обстоятельств как раз в это время в детсаде не было музыкального руководителя. И заведующая детсадом попросила Беллу Яковлевну передать мне приглашение прийти в детсад на переговоры по вопросу моего трудоустройства в качестве музыкального руководителя.

Примерно в конце июля 1961 года я пришёл в детский сад, где у меня с заведующей состоялся следующий небольшой разговор:

- Альфред, мне о Вас очень много хорошего рассказывала Белла Яковлевна Гольдина, - начала наш разговор заведующая. - Она говорит, что Вы окончили первый курс музыкального училища и работаете руководителем художественной самодеятельности клуба железнодорожников.

- Да, это так, - подтвердил я. - С 1-го апреля этого года я работаю там.

- А сколько же Вам лет? – спросила заведующая.

- Уже 15 с половиной, - похвастался я.

- Да Вы совсем ещё молодой человек. А на каких музыкальных инструментах Вы играете? – поинтересовалась моя собеседница.

- В музыкальном училище я обучаюсь по классу баяна. Это мой главный инструмент, - объяснил я. - Но в последнее время я с большим удовольствием овладеваю игрой и на фортепиано. Моя преподавательница в училище по общему фортепиано говорит, что я делаю большие успехи, но нужно ещё много и серьёзно заниматься, что я и делаю с великой радостью.

- Я вижу, что Вы серьёзный юноша, и это мне нравится, - сказала заведующая.

И тут же задала мне новый вопрос:

- Не хотели бы Вы, молодой человек, попробовать свои силы на новой работе, то есть у нас в детском саду? Нам как раз сейчас нужен музыкальный руководитель.

- А в чём будет заключаться моя работа? – поинтересовался я.

- Ваша работа как музыкального руководителя включает в себя и функцию аккомпаниатора песен и танцев, исполняемых детьми, и функцию массовика-затейника. Главное, чтобы у детей на Ваших занятиях был праздник, - объяснила мне заведующая детсадом.

Переговоры наши прошли успешно, и 1 августа 1961 года я приступил к новой для меня работе. Многим из тех, кто читают эти строки, наверно, кажется, что работа музыкального руководителя детского сада является лёгкой, как говорится, «не пыльной». Ну, во-первых, думают они, эта работа не занимает полный рабочий день. А, во-вторых, для такой работы не требуется особого таланта. Подумаешь, всех делов-то, что поразвлекать детей да провести утренники.

Однако на практике всё обстоит иначе. Музыкальное образование и эстетическое воспитание детей дошкольного возраста требуют очень бережного отношения к формированию и развитию детской индивидуальности. Я не только проводил музыкальные занятия, детские праздники, литературно-музыкальные утренники, но и вёл индивидуальную

работу с детьми, выявлял музыкально одарённых детей. Для этого пришлось много читать о детской психологии, изучать музыкальный репертуар для раннего возраста, сочинять музыкальные пьесы и песенки, что называется «на злобу дня».

Вначале я играл на занятиях и утренниках только на баяне, но по мере овладения фортепиано постепенно перешёл к игре и на этом инструменте. Также совмещал игру на обоих инструментах, что создавало необычный музыкальный колорит. К тому же я создавал маленькие оркестры из самих детей, которые играли на различных барабанах, трещотках, погремушках, ксилофонах, тамбуринах и других инструментах, доступных для их возраста.

Проработал я в этом детском саду три года, до 1 сентября 1963 года. А по совместительству я работал музыкальным руководителем ещё и в детском саду № 13 треста «Гурьевнефтехимстрой» с 17 июля 1962 года по 1 мая 1963 года.

22. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ И ПЕНИЯ

В январе 1963 года буквально накануне третьей четверти школа имени Калинина осталась без учителя музыки и пения. Директор этой школы обратился к заведующему народным отделением музыкального училища Ивану Васильевичу Хованскому с просьбой порекомендовать ему хорошего музыканта, желательно старшекурсника, для работы в качестве учителя музыки и пения в средних классах и руководителя школьного хора.

Был обычный учебный день. Вдруг кто-то из наших ребят подошёл ко мне и сказал:

- Тебя почему-то вызывает к себе Хованский. Он просил тебя срочно найти. Так что давай дуй к нему.

Зайдя в кабинет Ивана Васильевича, я увидел сидящего рядом с ним за столом довольно крупного мужчину представительного вида.

- Добрый день! Иван Васильевич, Вы меня вызывали?

- Привет, Альфред! Вот, познакомься, пожалуйста. Это директор средней школы имени Калинина.

Мужчина встал и протянул мне руку. Я пожал её, и мы представились друг другу.

Иван Васильевич продолжил:

- Присаживайся, пожалуйста. Тут такое дело. Вот-вот должна начаться новая четверть, а учитель пения, который работал в школе Калинина, неожиданно уволился и переехал в другой город. Как ты сам понимаешь, теперь им срочно нужен новый учитель музыки и пения. Я вот тут подумал и пришёл к решению, что ты вполне мог бы справиться с этой работой. Ты ведь уже был и руководителем художественной самодеятельности, и в детских садах работал. Ну, как, возьмёшься?

- Иван Васильевич, а это ничего, что мне всего 17 лет? – спросил я. – Ведь мои сверстники учатся сейчас в 10-м классе. И тут появлюсь я, их ровесник, в качестве учителя.

Тут в разговор вмешался директор школы:

- У нас в школе уже есть молодые учителя, правда, чуть постарше Вас. А Вы выглядите вполне взрослым человеком. Так что никто и не догадается, что Вам всего 17 лет.

- Но я ведь учусь только на третьем курсе, - пытался возразить я. - Может быть, всё-таки лучше, чтобы кто-нибудь с опытом, с четвертого курса взялся за эту работу. Я ещё не работал учителем в школе и поэтому не имею никакого опыта.

Иван Васильевич замахал на меня руками и произнёс:

- Когда мы тебя рекомендовали на работу руководителем художественной самодеятельности, ты тоже говорил, что у тебя нет опыта и тебе всего 15 лет. Но ведь справился, и даже хорошо справился. Мне звонили и рассказывали о тебе много хорошего. И в детских садах у тебя, слава Богу, всё было в порядке. Так что опыт - это дело наживное. Научись - и будешь работать.

Вот так я и стал учителем музыки и пения в общеобразовательной школе. Сразу пришлось взяться за освоение школьной программы для разных классов по музыке. Кроме уроков, я должен был также заниматься и со школьным хором. И, действительно, эта работа у меня быстро наладилась. Обычно мои уроки в школе мне планировали так, чтобы я не пропускал занятия в музыкальном училище.

Учительский коллектив как-то сразу принял меня тепло в свои ряды, и я совсем не чувствовал себя слишком юным среди остальных учителей. Напротив, я был счастлив и горд тем, что в такие свои молодые годы я совсем неожиданно для себя получил возможность стать школьным учителем.

23. НЕУДАЧНОЕ ЗНАКОМСТВО С АЛКОГОЛЕМ

Однако со школой имени Калинина у меня связаны не только приятные воспоминания. Однажды я получил здесь тяжёлое алкогольное крещение. А всё начиналось довольно безобидно.

Международный женский день 8 марта 1963 года педагогический коллектив школы решил отметить шикарнейшей вечеринкой в помещении школы. Тем более, что 8 марта выпадало на пятницу, и можно было отдохнуть после вечеринки в субботу и воскресенье. Многие учителя пришли со своими мужьями и жёнами.

Я был самым молодым участником этого праздника. И как музыкант я, естественно, был в центре внимания. Мне помогал игрой на гитаре муж одной из учительниц.

Я с самого начала сказал окружающим, что не пью крепкие алкогольные напитки, а только лимонад и пиво. Однако сидящие около меня мужья наших учительниц, как выяснилось впоследствии, тайком подливали мне водку в эти напитки.

Пока я сидел и играл, всё было почти нормально. Но, когда я пошёл танцевать мой любимый танец - вальс, я почувствовал, что всё плывёт у меня перед глазами. Сначала я подумал, что это от кружения в вальсе. Но потом.....

Сказать, что я себя чувствовал очень плохо, это - ничего не сказать. Хотя сознание у меня было ясным, я ничего не мог поделать со своим телом. Кроме того,

меня сильно мутило. «Неужели, - думал я, - это от того незначительного количества пива, которое я выпил?»»

В общем, я оказался слабаком на алкогольном поприще. Мне было так плохо, что испугался не только я, но и окружающие меня люди, и, в первую очередь, директор школы. Меня чем-то отпаивали, а затем уложили отдыхать на диван прямо в его кабинете.

Расходимся мы по домам далеко-далеко за полночь. Хорошо, что моими соседями по дому были одна наша учительница и её муж, которые шли по обе стороны от меня, тем самым контролируя моё передвижение. Справедливости ради, должен заметить, что я передвигался вполне самостоятельно весь долгий путь до нашего дома. Я даже попытался, как сейчас помню, проводить одну молоденькую учительницу младших классов, с которой я и танцевал свой первый вальс, до дверей её квартиры. Но она отказалась и сказала, что доберётся сама.

Очень хотелось спать, и глаза почему-то всё время слипались. Что интересно, так это то, что сознание моё не отключалось ни на секунду. И я до сегодняшнего дня помню мельчайшие подробности этого празднования.

Когда я добрался домой и постучал в дверь, мама сразу открыла её, как будто знала, что я сейчас приду. Я увидел, как её взгляд выразил одновременно и удивление, и неожиданность, и ужас от увиденного.

- Что случилось? - только и смогла промолвить она. - Почему ты такой бледный?

- Мама, я очень хочу спать! - пролепетал я в ответ.

Мама быстро помогла мне раздеться и уложила в кровать.

Проснулся я где-то к полудню. Мама сидела около моей кровати и, казалось, ждала моего пробуждения. Ничего не спрашивая, она подала мне чашку:

- Вот, выпей этот чай, и тебе станет легче.

После того, как я опустошил чашку очень крепкого чая, мама спросила:

- Может быть, ты хочешь что-нибудь поесть?

- Нет-нет, - замотал я головой, - мне так плохо, что ничего в рот не полезет. Мне кажется, что там побывали все кошки нашего двора. И голова болит ужасно.

Мама повела меня под прохладный душ, потом надела на меня чистую одежду, и мы с ней вышли из дома. Примерно часа два или три мы бродили по улицам, пока мне стало немного легче.

Когда мы вернулись с прогулки домой, мама сказала мне:

- А теперь расскажи мне, как случилось, что ты впервые пришёл домой таким пьяным? Что ты там пил на этой вашей вечеринке?

- Мама, я пил только лимонад и пиво. И больше ничего.

- Тогда почему от тебя несло водкой, когда ты пришёл домой? И от пива не бывают такими пьяными, каким ты был ночью.

- Мама, я, честное слово, пил только лимонад и пиво. Но они, почему-то были совсем невкусными. Я сидел за столом и играл на баяне, а около меня сидели мужья наших учительниц и тоже играли, один на гитаре, а другой на ложках. А так как я всё время был занят с баяном, то они мне наливали и лимонад, и пиво.

- Теперь мне всё понятно. Они-то тебя и напоили. Будет тебе урок на всю жизнь.

Постепенно в течение субботы и воскресенья я пришёл в своё нормальное состояние.

Но ещё много лет после этого случая при взгляде на алкоголь, и даже при упоминании о нём, меня трясло, и я вспоминал тех кошек, которые побывали у меня во рту в ту злополучную ночь. Я и сейчас отношусь к алкоголю очень осторожно и пью крайне ограниченно.

Вот такое было моё первое и неудачное знакомство с алкоголем в свои 17 лет.

24. ПОДДЕРЖКА БЫВШИХ ОДНОКЛАССНИКОВ

К началу нового 1963-1964 учебного года недалеко от нашего дома была построена новая многоэтажная школа № 8, которой было присвоено имя первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. Директором школы была назначена Сара Исаевна Сорочинская, весьма симпатичная женщина в возрасте примерно 40-45 лет. Так как школа находилась

буквально в полутора кварталах от дома, где мы с мамой жили, мне захотелось перейти на работу в эту школу.

Где-то в середине августа я пришёл в новую школу и предстал перед Сарой Исаевной:

- Здравствуйте, Сара Исаевна! Меня зовут Альфред Михайлович Грибер. Я студент четвёртого курса музыкального училища. В прошлом году я работал учителем музыки и пения в школе имени Калинина. Так как я живу здесь рядом, мне бы хотелось перейти работать в эту школу.

- А какими музыкальными инструментами Вы владеете, Альфред Михайлович? – поинтересовалась директор.

- Я играю на баяне, аккордеоне, фортепиано, а также на контрабасе и домре-бас, - ответил я.

- Да, Вам можно позавидовать. У Вас совсем неплохой, если можно так выразиться, музыкальный инструментарий, - сказала Сара Исаевна. - А простите за любопытство, сколько Вам лет?

- Уже 17 с половиной, - произнёс я более солидным голосом.

- Ну что же, Вы уже вполне взрослый человек, - согласилась со мной директор. - Но мне хотелось бы сначала собрать о Вас кое-какую информацию, прежде чем принять решение о Вашем приёме на работу в нашу школу. Знаете что, давайте мы с Вами, Альфред Михайлович, встретимся через недельку. И тогда я Вам дам свой ответ. Договорились?

- Договорились, - ответил я. - Всего доброго Вам, Сара Исаевна! До встречи через неделю!

Прошла неделя, и я снова встретился с Сарой Исаевной Сорочинской в новой школе. Как видно, собранная ею информация обо мне была положительная. Потому что она сразу мне заявила, что я могу подавать заявление о приёме на работу.

Последние дни перед началом нового учебного года в школе у меня были заняты различными заданиями от директора и завуча. И вот как-то составляя списки учеников одиннадцатых классов, я вдруг обнаружил в них знакомые фамилии и имена моих бывших одноклассников по 7-Б классу школы имени Гоголя в Жилгородке.

- Интересно, - подумал я, - как мы встретимся, как будем общаться друг с другом в свете моего изменившегося статуса? Примут ли они меня как учителя или как своего бывшего одноклассника?

Но действительность всё расставила по местам. В стенах школы мои бывшие соученики вели себя сдержанно по отношению ко мне и не позволяли себе какого-либо панибратства. Но при встречах где-нибудь на квартирах мы опять становились школьными приятелями.

Ну а если кто-то из мальчишек на моих уроках вёл себя неподобающим образом, мои товарищи из одиннадцатых классов проводили с ним после уроков определённую разъяснительную работу, после которой уже ни один сорванец больше не нарушал дисциплину на моих уроках. А весь педагогический коллектив школы был поражён тем, что на уроках пения всегда царила дисциплина и нормальная рабочая атмосфера.

- Как Вам это удаётся, Альфред Михайлович? - спрашивали меня мои коллеги.

В ответ я лишь пожимал плечами и загадочно улыбался.

25. МОЙ ДРУГ - ДМИТРИЙ АРСЕНТЬЕВ

В первых числах сентября 1963 года, как только начался учебный год (я уже был на четвёртом курсе музыкального училища), ко мне подошёл невысокого роста в меру упитанный мужчина приятной наружности и представился:

- Меня зовут Дмитрий Семёнович Арсентьев. Я являюсь художественным руководителем и балетмейстером самодеятельного Ансамбля песни и танца нефтяников Эмбы, который создан при городском Доме культуры нефтяников имени Орджоникидзе. Я за тобой уже давно наблюдаю и вижу, что ты хороший музыкант. Нам в Ансамбле как раз сейчас нужен хороший баянист. Как ты смотришь на то, чтобы поработать в нашем Доме Культуры концертмейстером?

- ?!... Предложение Ваше, Дмитрий Семёнович, - ответил я, - очень заманчивое. Но я сейчас работаю учителем музыки и пения в общеобразовательной школе. Поэтому я не представляю, как я смогу совместить работу и учителя, и концертмейстера. Да ещё учёба на последнем курсе училища потребует от меня повышенного внимания.

- Я не сомневаюсь, что тебе по силам справиться со всеми этими нагрузками. Уроки в школе у тебя до

обеда, а в Доме культуры работа начинается после обеда ближе к вечеру, когда участники Ансамбля приходят с работы. Так что, по времени ты успеешь отработать и там, и здесь. Что же касается твоей учёбы, то ты даже не догадываешься, какой бесценный опыт ты приобретёшь, работая концертмейстером. Такой музыкальной практики баяниста ты больше нигде не найдёшь. В общем, решайся и приступай к работе.

Я хорошенько подумал над словами Арсентьева, взвесил все «за» и «против». «Против» оказалось мало, и я с большой радостью принял его приглашение. И с этого момента моя судьба была решена. Жизнь завертелась, заиграла новыми красками, звуками, впечатлениями. Я потом с ужасом думал о том, как могла бы сложиться моя дальнейшая жизнь, если бы Дима не предложил мне работать у него или я отказался бы от его предложения.

Гурьевский городской Дом культуры нефтяников имени Орджоникидзе, в котором 16 сентября 1963 года я имел счастье начать работать в качестве концертмейстера, в то время являл собой главный очаг культуры города. На его базе функционировали областной драматический театр (своё здание театр получил значительно позднее), городской эстрадный оркестр, Ансамбль песни и танца и другие профессиональные коллективы. Это была такая своеобразная филармония.

Новая работа захватила меня полностью. Я с огромным энтузиазмом работал с хором, вокалистами и танцевальным коллективом, играл на аккордеоне в эстрадном оркестре. Наш народный Ансамбль песни и танца нефтяников Эмбы был хорошо известен в Казахстане (впоследствии он получил звание –

«Заслуженный коллектив Казахской ССР»). О нас писали в газетах и журналах, делали репортажи по радио и телевидению. Мы ездили в многочисленные гастрольные турне, в том числе и за границу. В городе всех участников Ансамбля очень любили и уважали.

Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы близко подружились с Димой Арсентьевым. Я очень многому научился у него. Работать с ним было совершенным удовольствием. Идеи сыпались из него, как из рога изобилия. Он был неутомим в работе. Находясь рядом с такой творческой личностью, я старался подняться до его уровня.

И он много мне помогал. Фактически, он воспитал меня как профессионального музыканта-артиста. С Димой мы также вместе играли в эстрадном оркестре под управлением педагога музыкального училища пианиста-композитора Роальда Топчевского. Дима великолепно играл на трубе. Он вообще был очень талантливым человеком.

Мой товарищ и сокурсник по музыкальному училищу Эдуард Григорьян тоже работал концертмейстером в нашем Ансамбле. Когда он после окончания училища уехал учиться в консерваторию, мы с Димой Арсентьевым пригласили на работу концертмейстером талантливого баяниста Славу Тюрина, который учился в музыкальном училище на пару курсов ниже меня.

Вот один из примеров неуёмной фантазии Димы Арсентьева. Он узнал, что я хорошо танцую и даже учился в балетной студии в далёком детстве. Тогда он решил использовать это. В один из концертных номеров танцевального коллектива Ансамбля Дима вставил следующий эпизод.

Мы со вторым концертмейстером сидим около правых кулис почти на авансцене и аккомпанируем танцорам. Внизу в оркестровой яме эстрадный оркестр начинает присоединяться к нашей игре. Вдруг во время танца я встаю и иду с баяном в центр сцены. Танцоры, расступаясь, приглашают меня сплясать с ними. Они подходят ко мне с двух сторон, и мы вместе, выстроившись в одну линию, танцуем, выделявая ногами различные кренделя.

Публика всегда в этом месте приходила в восторг и бурно аплодировала. Никому и в голову не могло прийти, что баянист с баяном на груди будет отплясывать вместе с танцорами. А я, получив заслуженные аплодисменты, возвращался на своё место и, как будто ничего особенного не произошло, продолжал играть.

И это только один из многочисленных эпизодов нашей совместной творческой жизни. Дима всегда был доброжелательным, дружелюбным, щедрым на выдумку, неутомимым, компанейским и, в то же время, требовательным и чрезвычайно работоспособным человеком. Как он всё успевал, я даже и не понимал.

И художественный руководитель огромного коллектива, и балетмейстер, и постановщик оригинальных танцев, которых в Казахстане больше никто не ставил, и трубач в эстрадном оркестре, и председатель художественного совета, и организатор многочисленных эстрадных концертов, и администратор, и хороший семьянин (жена и дочь всегда были рядом с ним) - всё это был Дима Арсентьев.

Расстались мы с ним в ноябре 1965 года, когда я ушёл в армию, и с тех пор больше никогда не встречались.

Жизнь разбросала нас по разным городам и странам. Остались на память только фотографии и воспоминания.

Как-то гуляя по дорогам интернета, мне захотелось найти хоть какую-нибудь информацию о своём старшем друге, узнать, как сложилась его жизнь после нашего расставания. На сайте Гурьева-Атырау я нашёл только одну строчку, где было сказано, что в 1960 году «К. Утегенов, Д. Арсентьев при клубе нефтяников организовали ансамбль песни и танца «Жайык кызы». И всё!!!

Мне стало так обидно за Диму, который столько сделал для Гурьева, что я долгое время не мог найти себе покоя и возмущался перед своими друзьями такой человеческой неблагодарностью.

А потом меня разыскали Слава Тюрин, мой второй концертмейстер, и Таня Ильина, его жена и танцовщица Ансамбля. Благодаря им, я получил не только сведения о Диме Арсентьеве, который жил уже на Украине, но и его фотографии.

Я счастлив, что в моей жизни был такой замечательный человек - Дмитрий Семёнович Арсентьев, мой дорогой друг!

26. КРИМИНАЛЬНАЯ «ЛЮБОВЬ»

Гурьев в те годы, когда я в нём жил, имел «славу», мягко говоря, очень криминально неблагополучного города. Грабежи и убийства были обычным делом. Радиостанция «Голос Америки» объявила как-то в своих передачах, что Гурьев в 60-х годах занимал

первое место в СССР по преступности, затмив «славу» таких городов, как Ростов и Одесса.

Бывали такие случаи, когда человека убивали просто так, по ходу дела, без причины. Например, идут поздно вечером навстречу друг другу два человека по мосту через реку Урал. Поравнявшись, один из них достаёт нож и вонзает другому в живот, после чего продолжает свой путь. Это он проверял, или нож хорошо заточен. И таких случаев были десятки, и даже сотни.

Но даже бандиты благосклонно относились к участникам Ансамбля. Мне тоже «посчастливилось» встречаться с этой «публикой». В составе эстрадного оркестра я играл на аккордеоне также и на вечерах танцев в Парке около Дома Культуры 2-3 раза в неделю. Танцы заканчивались поздно, примерно в 23.00. Автобусы уже почти не ходили, и очень часто мы с нашим контрабасистом Александром Великим добирались домой пешком. Это занимало где-то минут 40-45.

Можно представить состояние моей мамы, пока я приходил домой после работы на танцах!

И вот однажды произошёл такой случай.

Шли мы с Сашей домой после танцев по проезжей части улицы. Мы проходили как раз такой участок, где по сторонам дороги - одни пустыри (дома где-то вдалеке). И к тому же ни один уличный фонарь не работал. Вдруг мы заметили, что навстречу нам движется какая-то тёмная масса. Бежать некуда, да и бесполезно: всё равно догонят.

И вот эта тёмная масса обошла нас с двух сторон и взяла в кольцо. А в городе тогда был такой не писанный закон: никогда не сопротивляйся бандитам - тогда есть шанс остаться в живых.

Прямо перед нами на земле появился луч света от фонарика, который медленно начал ощупывать нас снизу доверху. Я был в таком состоянии, что просто физически ощущал на себе этот луч, который обследовал наши туфли, брюки, рубашки и добрался, наконец, до лиц. Причём, замечу, что всё это происходило в полной тишине.

И здесь случилось непредвиденное. Тот, кто держал фонарик (как видно, главарь), вдруг произнёс:

- А-а-а, музыканты!

Тёмная масса расступилась, обошла нас и исчезла. Когда мы с Сашей вышли из оцепенения, никого рядом с нами уже не было. Оглянувшись, мы увидели, как что-то тёмное удаляется от нас.

Был ещё один случай прямо на танцах. Надо сказать, что мы (все музыканты оркестра), в отличие от милиции, очень хорошо знали в лицо почти всех криминальных элементов.

И вот однажды во время нашего перерыва к нашим девочкам из Ансамбля подошёл какой-то пьяный мужик, которого я до этого никогда не видел, и начал к ним приставать. Я в это время разговаривал с одной из девочек. Увидев это безобразие, я подошёл и встал спиной к этому мужику, отгородив его от девчонок. Он отошёл, обошёл меня и опять подошёл к девочкам с другой стороны. Я проделал тот же манёвр.

Тогда этот мужик обошёл меня, повернулся ко мне и пытался меня ударить. Я схватил его за грудки и занёс руку для удара. В этот момент кто-то сзади схватил меня за руку и сказал:

- Береги руки, они тебе нужны, чтобы играть!

Откуда-то, как будто появившиеся из-под земли, к мужику подошли парни-«криминалы», скрутили ему руки и увели с танцплощадки. Больше мы его никогда не видели.

Вот так нас оберегали даже самые крутые «авторитеты».

Мы слышали краем уха, что у них на сходе был дан приказ не трогать артистов и музыкантов Гурьева и даже защищать их. Таким образом, и мы стали артистами и музыкантами «в законе».

Вот такая была своеобразная криминальная «любовь»!

27. ВСТРЕЧА С ВЕЛИКИМ БАЯНИСТОМ

В декабре 1964 года в Гурьев приехал с концертами известный советский баянист, заслуженный артист РСФСР Юрий Иванович Казаков. Для меня встреча с кумиром всех баянистов того времени была чрезвычайно волнительна и интересна.

Юрий Казаков был в то время среди баянистов звездой первой величины. С его именем связано рождение нового жанра на концертной эстраде: жанра сольного концерта на баяне. Первый такой концерт состоялся в 1957 году в Москве в зале

Государственной консерватории и прошёл с большим успехом.

Впервые в истории баян, наравне с классическими инструментами, получил право на высшую концертную деятельность. Юрий Иванович ввёл баян в камерный ансамбль в сочетании с двумя скрипками. Впервые прозвучал баян и с виолончелью во время совместных выступлений Юрия Казакова с одним из лучших виолончелистов мира Мстиславом Ростроповичем. Как-то великий Ростропович сказал о Казакове:

- Прекрасный музыкант, в своих концертах он проявлял замечательные качества виртуоза и мастера исключительного динамического разнообразия в понимании глубины композиторского замысла. ...Мне посчастливилось, что наш дуэт состоялся с Юрием Казаковым, ведь именно он был (в 50-е годы) не только первым и единственным исполнителем, игравшим на баяне новой конструкции, но и создателем этого выборно-готового многотембрового баяна.

Активная концертная деятельность привела Казакова к необходимости создания усовершенствованного баяна, дающего возможность значительно расширить репертуар и улучшить качество исполнения. Юрий Иванович вспоминал:

- В моей исполнительской жизни настал момент, когда, пытаясь играть некоторые фортепианные пьесы, я ничего не мог поделать с неповоротливой «левой стороной». Требовался многотембровый «выборный» инструмент. Однако, понимая, что на выборном хорошо звучит полифония, я вместе с тем не желал расставаться и с «готовым аккомпанементом». Словом, мне требовался такой баян, в левой клавиатуре

которого обычные «готовые» басы и аккорды переключались бы в «выборный» (хроматический звукоряд). Правую же я мечтал усилить и дополнить несколькими тембрами. Я же, зная, каким этот баян будет, тем временем упражнял левую руку на правой клавиатуре, перевернув вверх тормашками старый баян.

Специально для Казакова в 1951 году был изготовлен многотембровый готово-выборный баян, который позволил ему с успехом сыграть произведения, ранее на баяне не исполнявшиеся. За 18 месяцев мастер Ф. А. Фиганов исполнил «заказ», и на свет появился уникальный инструмент, который весил 18 кг, стоил 18 тысяч рублей (до реформы 1961 года) и «побывал» со своим хозяином в 18 странах мира.

С появлением нового баяна Казакову пришлось менять всё — и манеру, и стиль исполнения, и репертуар. Но благодаря работе, проделанной музыкантом, баян шагнул навстречу мировой классике. В руках мастера-виртуоза он впервые запел «голосами» Баха, Моцарта, Рахманинова, Мусоргского, Прокофьева, Шостаковича. Яркий талант музыканта раскрыл новые возможности инструмента, и баян впервые на эстраде зазвучал в сочетании со скрипкой, арфой, флейтой, виолончелью. Но Казаков не отказался и от народной музыки. В его репертуаре органично сочетались народные напевы, классика и сочинения, которые были написаны специально для баяна.

Юрий Казаков принимал участие на Международном конкурсе исполнителей на народных инструментах в Варшаве в 1955 году, где его выступление было отмечено золотой медалью, дипломом первой степени, званием лауреата Международного конкурса. С

большим успехом проходили гастроли Юрия Ивановича во многих странах мира.

И вот с таким выдающимся музыкантом мне выпало счастье познакомиться. После своего первого концерта в Гурьеве Юрий Иванович Казаков подарил мне свой автобиографический проспект с дарственной надписью:

«Уважаемому Алику в память о концерте и с лучшими пожеланиями. Казаков-баян. Дек. 64 г. Гурьев».

Он слушал мою игру, потом научил меня играть на своём замечательном баяне (техника игры на готово-выборном баяне существенно отличается от игры на обычном баяне).

Каким-то образом мне стало известно, что у Юрия Ивановича 24 декабря будет день рождения (40 лет). Я предложил маме отпраздновать его день рождения у нас дома и пригласил ничего не подозревающего Юрия Ивановича к нам в гости.

Когда он пришёл, его ждал сюрприз - праздничный стол. Юрий Иванович был очень растроган этим вниманием, потому что вдали от дома он не надеялся отметить свой юбилей.

Когда Юрий Иванович уезжал из Гурьева, я пошёл провожать его на вокзал. И вдруг перед самым отправлением поезда он спросил меня:

- Скажи мне, пожалуйста, дорогой Алик, что ты собираешься делать дальше в жизни как музыкант? Есть ли у тебя какие-либо планы?

- Сейчас я работаю главным концертмейстером Ансамбля песни и танца в Доме культуры, где мы с Вами, Юрий Иванович, и познакомились, - ответил я. - В будущем году я должен идти в армию. А уже после армии, наверно, пойду работать в музыкальную школу и буду учить детей играть на баяне.

- Послушай, мой юный друг, что я тебе сейчас скажу, - сказал Юрий Иванович. - Преподавать ты всегда успеешь. Ты талантливый музыкант. Поэтому ты должен нести своё искусство людям. Пусть люди слушают тебя и получают удовольствие от твоей игры. Иди и играй для людей!

И этот наказ великого музыканта я выполнял всю свою жизнь!

28. ДЯДЯ ЖОРА

Моя работа в городском Доме Культуры, в Ансамбле песни и танца способствовала тому, что я всегда находился в гуще культурной жизни Гурьева. За эти годы я познакомился и даже подружился со многими замечательными артистами и деятелями театра, кино и цирка, которые приезжали на гастроли в наш город.

Однажды в январе или феврале 1965 года в Гурьев приехала большая группа деятелей советского кино, среди которых было много известных режиссёров и актёров. Среди всех актёров, приехавших в наш город, самым популярным был Георгий Александрович Юматов - кумир всех кинозрителей того времени.

Три творческие встречи-концерты деятелей советского кино со зрителями проходили в нашем Доме культуры в один из выходных дней: в 16.00, 18.30 и 21.00. Как

один из творческих работников Дома культуры я встречал всех кинодеятелей, помогал им размещаться в гримёрных за сценой, помогал, чем мог, отвечал на различные вопросы. И так постепенно и совершенно естественно я со всеми и познакомился.

Первый концерт начался в 16.00. Я находился в это время за кулисами, где был готов помочь участникам концерта при каких-нибудь неожиданных ситуациях. Ведущий концерта (он же и руководитель всей творческой группы) рассказывал о кинорежиссёре или киноактёре, затем на экране демонстрировались отрывки из фильмов, а после этого на сцену приглашался сам кинодеятель, который рассказывал о своём творчестве, о том, как снимался тот или иной фильм, о всяких смешных ситуациях, возникавших во время съёмки того или иного фильма. Потом зрители задавали разные вопросы и получали такие же разные ответы.

Концерт шёл своим чередом. Вдруг я заметил рядом с собой Георгия Юматова, который готовился выйти на сцену. Находясь рядом с таким знаменитым человеком, я всё своё внимание перенёс на него. И тут я заметил, что вёл он себя несколько странно, не так, как другие участники концерта. Он неуверенно держался на ногах, взгляд его блуждал по сторонам, тело его качалось из стороны в сторону. Первая мысль, которая пришла мне в тот момент в голову, была о том, что человеку плохо. Однако приглядевшись получше, я вдруг осознал, что Юматов попросту не совсем трезв. Я обратился к нему с вопросом:

- Вам плохо, Георгий Александрович? Может быть, Вам нужна помощь?

- Нет, у меня всё хорошо, - заплетающимся языком произнёс Юматов.

Так он простоял ещё несколько минут. Я стоял рядом и был готов прийти ему на помощь.

На экране шли кадры из фильмов с участием Георгия Юматова. Мне было как-то странно видеть одновременно этого человека там, на экране и здесь, рядом с собой. Как только окончилась демонстрация киноролика и был поднят экран, ведущий объявил:

- Киноактёр Георгий Юматов!

Зал взорвался аплодисментами. Нетвёрдыми шагами, пытаясь не шататься, Юматов двинулся к середине авансцены.

- Боже мой! - вдруг услышал я рядом с собой голос ведущего. - Когда он успел?

Георгий Александрович, выйдя к зрителям, пытался что-то им рассказать. Но у него это не получалось, язык ему не подчинялся. Положение становилось критическим. Ведущий стал махать руками и громко шептать:

- Дайте занавес! Закройте занавес быстро!

Как только занавес закрылся, ведущий на ходу бросил мне только:

- Альфред, помоги ему! Делай, что хочешь, но верни его к жизни! Пожалуйста, я тебя умоляю!

И тут же нырнул за занавес к зрителям спасать концерт. Уж не знаю, что он им говорил, но позавидовать ему в такой ситуации было нельзя.

Я взял Георгия Александровича под руку и быстро увёл его в гримёрную. По пути я успел сказать кому-то из наших работников, чтобы мне принесли нашатырный спирт. Усадив в полулежащем положении Юматова на диванчик, я стал приводить его в чувство, поднося периодически к его носу ватку, намоченную в нашатыре. Георгий Александрович бурно реагировал, махал на меня руками, отшатывался. Однако мне удалось ещё несколько раз заставить его вдохнуть этот «прелестный» запах.

Когда мне показалось, что Юматов немного пришёл в себя, я отвёл его в мужской туалет, почти насильно засунул его голову под кран с холодной водой и устроил ему пару раз маленький «душ». Потом мы вернулись в гримёрную, и я принёс Георгию Александровичу крепкий чай и заставил его выпить. После этого Юматов уснул.

На второй концерт он выйти не смог, так как всё ещё спал. Будить его мы не стали. Ведущий и другие участники концерта периодически приходили в гримёрную, чтобы поинтересоваться состоянием Юматова. Я им пообещал, что к третьему концерту Георгий Александрович будет в форме.

Где-то примерно в половине восьмого вечера Юматов сам проснулся и попросил чаю. Мы вместе с ним почаёвничали примерно полчаса, потом оделись, я позвал маленькую дочку Димы Арсентьева - Марину, и мы втроём вышли из Дома культуры на улицу на морозный воздух. Марина держала Юматова за правую руку, а я взял его «под руки» с другой стороны.

- Как Вы себя чувствуете, Георгий Александрович? - спросил я.

- Ой, как я не люблю, когда меня так официально величают. Меня все зовут Жора. Ну, хорошо, для вас я - дядя Жора? Договорились?

- Договорились, дядя Жора! - дружно согласились мы с Мариной.

- А у тебя, Альфред, - обратился ко мне Юматов, - тоже интересное имя. А как тебя зовут дома и друзья?

- Алик, - ответил я.

- Тогда и я тебя буду называть Аликом. Согласен?

- Согласен, дядя Жора.

- Ну и лады! А сколько тебе лет, Алик?

- Мне скоро будет 19.

- Так ты, значит, 46-го года?

- Да, я родился 11 февраля 1946 года.

- О, да ты меня старше ровно на месяц. Я родился 11 марта. А в 46-м году, когда мне исполнилось 20 лет, я совсем неожиданно для себя стал сниматься в кино.

- Как это неожиданно? Вы разве не учились на артиста?

- Нет, ведь я был матросом на войне. В 1945 году я вернулся в Москву. В послевоенное время с деньгами

было не очень, поэтому гражданскую одежду я себе так и не купил. Всё время ходил в своей матросской форме с медалями на груди. А девчонки на мою форму, ой, как заглядывались!

- А как же Вы попали в кино, дядя Жора?

- Ну, это произошло совсем случайно. В начале 1946 года в Доме киноактёра показывали какой-то трофейный фильм, и мы с моим другом решили сходить посмотреть его. После окончания фильма мы зашли в буфет и сели за свободный столик. К нам сразу подошёл официант. Но мы не успели даже рот раскрыть, чтобы заказать что-нибудь, как он прошептал мне на ухо, что меня просит подойти к своему столику Григорий Александров, очень знаменитый режиссёр, который снял такие фильмы, как «Весёлые ребята», «Волга-Волга» и «Цирк».

Когда я подошёл к указанному столику, то увидел сидящую там рядом с Александровым знаменитую актрису Любовь Орлову. Александров пригласил меня сыграть маленькую роль помощника гримёра в его новом фильме «Весна». Я согласился и пришёл на съёмки. Мне объяснили, что нужно делать. А делать, в общем-то, не надо было почти ничего: я должен был подойти к креслу, где сидела Орлова, сказать «Разрешите» и затем стянуть белой повязкой волосы на её голове, чтобы они не мешали, как бы, её гримировать. Вот и всё. Так начался мой путь в кино. Правда, потом были ещё две маленькие роли: в фильме «Рядовой Александр Матросов» я сыграл солдата, а в фильме «Иван Грозный» - монаха. Ну, а потом всё завертелось и вертится до сих пор.

- Очень интересная у Вас жизнь, дядя Жора.

- Да уж, совсем не скучная. Ну, нам, кажется, уже пора возвращаться. Что-то холодно тут у вас в Гурьеве.

Как только мы вернулись в Дом культуры, к нам сразу же подошёл ведущий концерта, он же руководитель группы:

- Жора, ну как ты, голубчик?

- Я в порядке, дорогой. Извини меня, подлеца. Подвёл я тебя. Скажи спасибо Альфреду, моему спасителю. Благодаря ему, я тебе сейчас вдвойне отработаю.

Концерт в 21.00 прошёл великолепно. Дядя Жора был в ударе: он рассказывал и о себе, и о фильмах, в которых он снимался, и о других актёрах, и о разных смешных случаях в его жизни. А когда концерт закончился, дядя Жора подошёл ко мне и сказал:

- Я никогда не забуду то, что ты для меня сегодня сделал. Ты спас мою репутацию, помог избежать позора и осуждения товарищей. Теперь ты мой друг! Поверь, я умею дружить. Если ты когда-нибудь приедешь в Москву, позвони мне, и я буду рад снова увидеть тебя. Ты хороший парень! Будь счастлив!

И я счастлив, что мне удалось тогда выручить из беды всеми любимого киноактёра - народного артиста РСФСР Георгия Александровича Юматова.

Вечная память тебе, дядя Жора!

29. ПРОЩАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ В АНСАМБЛЕ

В октябре 1965 года я получил повестку из военкомата, в которой сообщалось о том, что я должен исполнить свой гражданский долг по защите Отечества, в связи с чем и призываюсь на воинскую службу в ряды Советской армии. Моя подруга Вера, которая работала в областном военкомате, сумела по своим каналам выяснить, куда я буду отправлен на службу, и рассказала мне, что я поеду служить в московский военный округ. Из нашего Ансамбля одновременно со мной получили такие же повестки контрабасист Александр Великий и ударник Виктор Астраханкин. Нам сообщили, что отправка призывников из Гурьева состоится 14 ноября.

6 ноября 1965 года на сцене нашего городского Дома культуры имени Орджоникидзе состоялся праздничный концерт в честь 48-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Концертная программа была полностью подготовлена коллективом Ансамбля песни и танца нефтяников Эмбы Казахской ССР. Этот концерт был для нас, призывников, уходящих на службу в ряды Советской армии, прощальным концертом в составе нашего Ансамбля.

Я понимал, что больше никогда не выйду на сцену с этим коллективом, с которым прошагал по жизни день в день 2 года и 2 месяца, с которым я делил и радости, и горести, и успехи, и трудности. Я вкладывал всю свою душу в этот коллектив, а он помогал мне расти и совершенствоваться. Концерт уже подходил к своей финальной части, а мне хотелось, чтобы он никогда не заканчивался.

После окончания праздничного представления к зрителям вышел Дмитрий Арсентьев и обратился к ним со следующими словами:

- Дорогие товарищи! Сегодня у нас и радостный, и одновременно грустный день, потому что три участника нашего Ансамбля, три наших товарища заканчивают работу в нашем коллективе. Они призваны на службу в ряды Советской армии, и через несколько дней воинский эшелон увезёт их из нашего города. Сегодня на этой сцене мы расстаёмся с главным концертмейстером Ансамбля Альфредом Грибером, с контрабасистом оркестра Александром Великим и с ударником оркестра Виктором Астраханкиным.

Я, Саша и Витя вышли на середину сцены. И тут случилось то, что мы не могли даже себе предположить. Весь зал встал и устроил нам бурную овацию, которая длилась очень долго. Вместе с залом нам рукоплескал хор, танцевальный коллектив и эстрадный оркестр нашего Ансамбля. Мы стояли, смущённо улыбаясь, а на наших глазах были слёзы. Это были слёзы благодарности, слёзы признательности, слёзы любви и слёзы прощания!

14 ноября 1965 года утром всех призывников собрали на стадионе «Нефтяник» Жилгородка. Перед нами выступили с напутственными речами руководители города и области. А потом колонна призывников со всеми родственниками, близкими и друзьями двинулась через весь город к вокзалу. Это шествие длилось часа два.

На вокзале будущих солдат уже ожидал воинский эшелон. Нас распределили по командам и вагонам. К нам с мамой подошёл знакомый мне офицер из военкомата и сказал:

- Не плачьте, мамаша! Ваш сын попадёт в хорошее место, в Московский военный округ. А с его талантами он нигде не пропадёт.

Прозвучала команда:

- По ва-го-нам!!!

Последние объятия, последние поцелуи, последние напутствия и последние пожелания. Раздался гудок паровоза, и состав медленно, как бы нехотя, сдвинулся с места.

Постепенно набирая скорость, поезд навсегда увозил меня из Гурьева, из города, где я получил музыкальное образование и стал профессиональным музыкантом, где многое для меня было впервые, где я приобрёл много настоящих друзей.

На этом закончился казахстанский этап моей жизни.